

В чѣм дело, Поли?

СКАЗКА С ПРИВКУСОМ НОЧНОГО
КОШМАРА

Иванова Марияна

16+

Марьяна Иванова

В чём дело, Полли?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51415627

SelfPub; 2021

Аннотация

В живописном краю, где всегда неподалёку осень, а все сказки пахнут ночным кошмаром, в лесах затерян старый особняк. Жители деревни верят, что дом появился там из ниоткуда – нельзя приближаться к нему. Когда-то там жили мальчик и старик. Ныне в доме организован пансионат со странными правилами... Однажды на его пороге появляется Полли, и страшная сказка начинает оживать. Ей предстоит выяснить, куда пропадают гости пансионата и какие монстры живут под кроватью молодого хозяина этого места. Только у самой девушки тоже немало секретов. Так в чём же дело, Полли?

Содержание

Пролог	5
Заселение	11
Глава 1. Тени и шорохи	31
Лексон. Оставленное	58
Глава 2. Когда лес многоликий, когда луна полная	63
Глава 3. Ил утянет...	84
Лексон. Не одни	110
Глава 4. Целуя безумие	116
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Марьяна Иванова

В чём дело, Полли?

Всем неспящим, блуждающим, увязшим и запертым посвящается.

Сказка с привкусом ночного кошмара.

Но не обманывайтесь неторопливым повествованием – это ловушка! Стоит об этом забыть – история заведёт вас глубоко в чащу и оставит на съедение диким зверям...

– Она мертва. Ничего не хочешь мне рассказать?

– Что ты хочешь услышать, Диана?

– Когда мы будем выражать сочувствие, глядя в глаза её семье, я хочу быть уверена, что ты не приложил к этому руку.

– Я и пальцем её не тронул.

– Крису ты тоже не трогал, но он умер. Всё имеет свои последствия. Однажды это сыграет с тобой злую шутку. Ты же собственными руками роешь себе могилу...

– Я давно закопан в ней заживо.

Пролог

Стоял знойный полдень, знойного дня, знойного лета 1989 года. По дорожке шла толстая нянька, волоча за собой невозможно хорошенького белокурого мальчишку. Особняк выглядел совсем мрачным из-за отбрасываемых деревьями теней, и манил тётку спасительной прохладой. Она то и дело останавливалась, чтобы протереть платком потный лоб, и больно одёргивала мальчика за руку, потому что во время таких остановок он пытался вырваться из её цепкой хватки.

– Давай, маленький сорванец, почти пришли.

Мальчик крутил головой и печально вздыхал. Он думал о том, что, если убежит от няньки, – та ни за что не сможет догнать его на таких высоких каблуках и толстых ногах. Правда, бежать было некуда. От самого Кардиффа они ехали на такси. А до ближайшего населённого пункта миль десять. Поэтому он и не сбегал, лишь подёргивал руку, чтобы тётка не сжимала её так сильно.

Любой другой ребёнок уже давно бы распластался на земле, размазывая сопли и слёзы. Но этот мальчик никогда не плакал. Он вообще не умел капризничать. Не спорил со взрослыми, прилежно учился и не разбрасывал свои игрушки. Но няньки всё равно недолюбливали его. Поначалу все новенькие всплёскивали руками: «Ах, что за ангелочек?». Но уже спустя неделю выбегали из его комнаты хватаясь за

голову и вопя, что это монстр, а не ребёнок.

Другие дети мало общались с ним, не считали за своего. Роза, старшая сестрёнка, была единственной в семье, кто играл с ним. Он любил, когда она читала ему сказки. А иногда они придумывали собственные.

Взрослые не любили мальчика за его пронизательность. Он видел все их пороки. Он, безусловно, видел, какую участь ему готовят. Но, что бы они ни говорили, душа у него всё равно была чистой и детской. Не то что у этих взрослых, чьи руки по локоть в чём-то чёрном, несмываемом.

И никак он не мог угодить никому из своего окружения. И даже немного обрадовался, когда узнал, что пришло время переезда. Но вся радость прошла, как только такси въехало в дремучую дубовую рощу: он не играл с другими детьми, зато ему нравилось наблюдать за ними из окна; не участвовал в разговорах за завтраком, зато любил слушать, как дети рассказывали друг другу о том, что им приснилось; не выносил визгливую тётку Марию, зато обожал её огромного рыжего кота. А здесь у него не будет и этого. Оттого он и шёл так нехотя.

Парадная дверь распахнулась за мгновение до того, как они подошли к крыльцу. Наружу вырвался застоявшийся холодок, словно дверь не открывалась очень давно. В проёме показался сухой и очень высокий старик в дорогом белом костюме, опираясь одной рукой на рельефную серебряную трость. Он пах лекарствами, табаком и кедровым парфюмом.

Косая улыбка скрывала боль ноющих суставов, а морщинистое лицо напоминало морду шарпея.

– А вот и вы! Надеюсь, дорога не очень вымотала вас? – Голос старика оказался таким же дрожащим, как и он сам.

– Что за духота! – взывала нянька, обмахивая себя платком. – Вымотала, ещё как.

– Проходите, дорогие, у меня готов лимонад.

Нянька подтолкнула мальчика на крыльцо, затем, кряхтя и сопя, поднялась сама.

– Он совсем без багажа?

– Его вещи привезут на днях.

Нянька протиснулась в двери и рухнула на первую попавшуюся кушетку. Наконец рука мальчика была свободна, но теперь он не спешил отходить от тётки, настороженно рассматривая старика и его огромный дом.

– Итак, молодой человек, давай-ка мы с тобой познакомимся, раз нам теперь жить под одной крышей. Моё имя Надд. Можешь так меня и называть. А если хочешь, зови меня просто дедушка.

– Мой дедушка умер. Я буду называть вас Надд, – робко пропищал мальчик.

– Я твой двоюродный дедушка, Лексон, – подмигнула старик.

– Это не моё имя.

– Я знаю. Я это имя сам придумал. И дарю тебе. А как надоест – отдашь обратно, идёт? – Мальчик безразлично по-

жал плечами, сам только и думая о том, живёт ли здесь кто-то ещё.

– Мы наняли репетиторов. Они будут приезжать сюда три раза в неделю, – сообщила нянька, жадно отглотнув лимонад. – С учёбой проблем у него нет.

– Так ведь лето, – горько покачал головой Надд. – Ему всего восемь, учёба подождёт.

– Вы подыскали новую кухарку?

– Нет, Мария, пока справляюсь собственными силами. У мальчика особый рацион?

– Вполне обычный. Поменьше сладкого, особенно вечером... Вспышек давно не было, но врач должен навещать его раз в две недели. Ещё мигрени, доктор говорит – это психосоматика, медикаментозного лечения нет.

– Здесь ему станет легче. Свежий воздух.

– Да, конечно...

Лексон вздохнул. Взрослые снова говорят о нём, будто он ничего не слышит и не понимает. Если бы они хоть раз спросили у него самого, что он испытывает во время вспышек, он бы рассказал, что никакая это не болезнь. Но взрослые боятся услышать это, потому и не спрашивают, уверяя себя и его, что он болен.

Мальчик не боится вспышек, их боятся остальные. А вот от жгучей мигрени он порой лезет на стены. «Хоть голову рубите, но избавьте от этой боли» – кричит он, но доктора непреклонны: «Лечить нужно не тело, а сознание». «Чтобы

они все понимали!» – ночами стонет Лексон, стискивая зубы и заламывая пальцы.

– Полагаю, дальше вы уже сам?

– Да, не беспокойся, Мария.

– Вы всегда можете позвонить нам.

– Разумеется.

– Его отец был в командировке, когда мы уехали, возможно, он захочет позвонить сюда.

– Думаю, это возможно.

– Тогда я с чистым сердцем оставляю здесь этого дьяволёнка.

– Что вы, славный парнишка.

– Меня ждёт такси.

Нянька подправила причёску у зеркала, пожала руку Надду, и склонилась над племянником:

– Вот и всё, дорогой. Больше мы не увидимся. Я не держу на тебя зла, хоть ты и доставлял нам всем много проблем. Будь хорошим мальчиком, прощай.

Лексон ничего не ответил. Он лишь надеялся, что Мария не нашла и не выкинула его прощальный подарок для Розы.

Такси захлопотало и быстро умчалось прочь. Старик и мальчик немного неловко потоптались на крыльце, и зашли внутрь.

– Лексон, должно быть, ты голоден?

– Я бы не отказался от печенья с корицей.

– Замечательно. Возьмём печенье, лимонад и отправимся

в сад... А пока ты будешь есть, я расскажу тебе сказку. Ты любишь сказки? – Мальчик оживлённо кивнул. – Эта будет про сбежавшего Короля и его Тени.

Заселение

Июль. 2008

Воздух был влажным, я затянула капюшон потуже и сошла на перрон. Городок Сайленс Валлей раскинулся под склоном и хорошо просматривался со станции. То был тихий европейский городок с узкими улочками и зелёными садами. Там, где заканчивались стройные ряды разноцветных домов, начинался лес. Деревья обступали Сайленс Валлей, пряча его от всего мира. Нужно отметить, что край, куда меня занесло, оказался необычайно живописным. Все полтора часа поездки в пригородном поезде, я, разинув рот, завороченно разглядывала небывалые местные красоты. Больше всего в глаза бросалось обилие гор, лугов и старинных сооружений.

Вместе со мной на станции сошли ещё несколько человек, но пока я изучала стенд с расписанием, люди разбрелись, и я осталась одна. Что ж, где-то здесь меня и должны встретить. Если, конечно, я в очередной раз не заблудилась.

Решение взяться за эту работу далось мне с трудом. Сбежать на край света, шутки ли? И вот когда я уже напечатала развёрнутый отказ, неожиданно почувствовала неприятную тянущую боль в животе. Этот побег должен спасти меня, внезапно сказала я себе и спешно собрала чемодан.

И вот я здесь. Терять мне вроде нечего. Да и затраты на

перелёт обещали компенсировать. Но дорога всё равно выдалась нервной. Меня не отпускала тревога и чувство надвигающейся беды.

Через минут десять, хищно улыбаясь острозубой решёткой радиатора, к остановке подъехал чёрный автомобиль. Судя по чётким, слегка угловатым линиям, это была модель 80-70х годов. Да и выглядел автомобиль так, словно ему не меньше пятнадцати лет: арки покрылись ржавчиной, по лобовому стеклу расползались паутинки мелких трещин, краска в некоторых местах вспузырилась. На капоте красовалась бело-голубая эмблема легкоузнаваемой баварской фирмы.

– Мисс Полли? – хмуро спросил водитель, высунувшись из окна.

– Так точно. А вы кто?

– Мне сказано встретить вас и привезти в пансионат. Я ждал вас на дневном поезде.

– Да, я опоздала. Пришлось ждать следующего.

Он что-то недовольно буркнул под нос и кивком указал на заднее сидение. Я еле втиснула туда чемодан и уселась сама. В салоне было очень накурено, а на полу лежали крупные комки земли, словно там перевозили только что выкопанную картошку.

– Вы тоже работаете в пансионате «Чёрная лилия»?

– В каком-то смысле.

– Как вас зовут? – Водитель, коренастый бородач, многозначительно промолчал, мол, не моё это дело. – Вам нравит-

ся?

– Что?

– Там работать.

– Я всего лишь подвожу тех гостей, что едут в пансионат не на своей машине.

– И увозите обратно.

– Да... Вроде того...

– Сайленс Валлей последний населённый пункт?

– Да. Дорога до пансионата займёт не больше часа. Смотрите лучше в окно, мисс.

– Я лишь пытаюсь скоротать время поездки.

– Смотрите в окно.

И малоприятный незнакомец повёз меня в неизвестную глушь. За окном стремительно темнело. Через какое-то время мы въехали в густую дубовую рощу. Ни фонарей, ни неоновых вывесок, ни шума автострады. Только тёмный лес и тишина. Меня обдало холодным потом. Я впервые трезво осознала: я уже не в родном Чикаго. Назад пути нет.

Вскоре роща поредела, и я увидела впереди высокие кованые ворота.

– Приехали.

– Я так и подумала. Как здесь тихо...

– Мисс, пока вы сидите в моей машине, я не могу уехать отсюда.

– Простите, я думала, что вы как работник пансионата тоже живёте здесь.

– Я всего лишь подвожу гостей! – почти с ненавистью рывкнул мужчина.

Я попыталась как можно милее улыбнуться и пулей вылетела из авто. Едва дождавшись, пока я вытяну свой багаж, водитель захлопнул дверь и, тронувшись с пробуксовкой, помчался обратно, даже не попрощавшись.

– А некоторые ещё меня называют хамкой...

Я аккуратно шагнула за ворота, молясь, чтобы все остальные сотрудники «Чёрной лилии» были хоть немного адекватнее. Само здание пансионата было выложено крупным белым кирпичом, что создавало контраст с яркой зелёной лужайкой и старательно подстриженными кустами. Скатная крыша чуть нависала над фасадом, удачно создавая небольшой тенёк для парадного входа. Резные рамы высоких окон и рельефная полуколонна над дверью были выкрашены в белый цвет. Особняк и прилегающая к нему территория выглядели, конечно, красиво и ухоженно, но в то же время не было тут ничего особенного, чтобы прятаться так далеко. Обычный старый дом. Но насторожило меня совсем другое: ни в одном окне не горел свет. Тишина звенела в ушах. Место казалось совершенно безлюдным.

– И как это понимать?

Мог ли водитель по ошибке привезти меня не в то место? А может, это какая-то злая шутка и никакого пансионата «Чёрная лилия» не существует? Но кому и зачем нужно заманивать меня сюда?

Я вытащила мобильник из джинсов – разумеется, нет сигнала. Я принялась судорожно вспоминать, есть ли в моём багаже фонарик и спички, чтобы скоротать ночь здесь. Или есть смысл вернуться на станцию сейчас? Но я не была уверена, что найду правильную дорогу даже в сияющее, самое безоблачное утро, не говоря уже о сумерках. Да, блуждать я умела как никто другой. Тогда, может быть, всё же попытаться попасть внутрь?

– Добрый вечер. Я могу вам помочь? – раздался сухой женский голос из ниоткуда.

– Здравствуйте, я не вижу с кем говорю. Где вы? – Я вздрогнула от неожиданности и попыталась отыскать её взглядом.

Какое-то время было тихо, затем я услышала, как захлопнулась входная дверь. Через секунду разгорелся большой фонарь, висевший над крыльцом, и дверь снова открылась. Теперь я видела в дверном проёме высокую стройную женскую фигуру.

– Я держала путь в пансионат «Чёрная лилия» и, кажется, немного заблудилась... Меня зовут Полли Марш.

Я подошла ближе и уже смогла разглядеть женщину. Она стояла, сложив руки в замок и сильно нахмутив брови. Тёмные волосы были аккуратно убраны назад в тугий пучок. Из-за бардовой помады и чёрного узкого платья её образ казался вечерним.

– Вы не заблудились. Мы вас ждали, мисс Марш. – Жен-

щина сделала мне шаг навстречу и попыталась приветливо улыбнуться. Вышло у неё это, откровенно говоря, не очень.

– Простите?

– Вы на месте. Добро пожаловать, Полли. Не стойте там, мы и так вас прилично заждались.

Потом она сделала жест рукой кому-то за дверью и на крыльцо вышел высокий брюнет, примерно моего возраста. На нём была ослепительная белая рубашка и идеально наглаженные брюки.

– Меня зовут миссис Беккер, а это Питер.

Питер дружелюбно кивнул и взял в руки мой багаж.

– Отнеси его в комнату, а я всё покажу мисс Полли, – командовала миссис Беккер, и юноша послушно удалился.

Я вошла внутрь следом. Первым делом я увидела просторный вестибюль со стойкой регистрации и мягкими, обитыми бархатом кушетками. Дальше располагалась широкая лестница с массивными перилами. По обе стороны от неё находились высокие арки, ведущие в какие-то комнаты. Кругом висели картины и зеркала в позолоченных рамах. В воздухе сильно пахло лавандовыми благовониями и у меня сразу заболела голова.

– Это очень старый дом. Он построен в георгианском стиле. Многие предметы интерьера сохранились с 18 века – настоящий антиквариат! Поэтому постарайся обращаться с домом очень бережно, – заявила дама, заметив, с каким интересом я рассматриваю обстановку.

– За это можете не беспокоиться.

Миссис Беккер провела меня по всем комнатам первого этажа. Сначала мы свернули в арку, что была справа от лестницы, и оказались в столовой. Там же располагалась кухня и какие-то кладовые.

– Чтобы попасть в подвал, нужно пройти сюда. – Женщина указала на неприметную дверь за большим продовольственным шкафом. – Внизу бойлерная и прачечная. А из кухни можно выйти в сад.

Затем мы снова вышли к лестнице и, свернув уже в левую арку, попали в большую гостиную. Она была выполнена в лиловых тонах. Посередине комнаты располагался огромный камин с изысканной мраморной отделкой. На окнах висели тяжёлые драпированные шторы.

– Если пройти дальше – попадёшь в библиотеку. Второй этаж также разделён на два крыла. Справа находятся комнаты для гостей и кабинет управляющего. А слева живут служащие пансионата. Думаю, пока этого достаточно. Будут вопросы?

Вопросов у меня было полно, но спросить я решилась только про безлюдность пансионата: пока мы ходили по первому этажу, нам не встретился ни один человек.

– Дело в том, что наш пансионат уникален. Мы принимаем зараз только двух гостей. На данный момент посетителей нет.

– Разве вы не несёте из-за этого большие убытки?

– Убытки? Наши клиенты очень состоятельные люди, и они прекрасно платят за своё уединение. Это всё, что тебе нужно знать.

Честно говоря, верилось с трудом, что кто-то будет платить огромные суммы, только чтобы просто немного пожить в старомодном доме. Впрочем, как и выразилась миссис Беккер, это не моё дело.

– В своей комнате ты найдёшь брошюру с подробным описанием внутреннего устава и свою униформу. На сегодня всё. Отдохни, а завтра встретишься с управляющим.

– Хорошо. Спасибо, миссис Беккер.

Женщина холодно улыбнулась и исчезла прежде, чем я успела спросить, как мне, собственно, найти свою комнату.

Делать было нечего и я, немного постояв в одиночестве, вышла в холл и поднялась на второй этаж. Там я снова увидела две одинаковые арки, разделяющие дом на два крыла, а между ними висел довольно большой портрет мужчины. Он был изображён в старомодном малиновом камзоле со сложными оборками и золотой вышивкой. В искусстве я разбираюсь мало, но что-то в этой картине притянуло мой взгляд. Должно быть, виной тому была аристократичная, тонкая красота этого человека с бледной кожей, светлыми волосами и небесно-голубыми глазами. И при всём этом он обладал пронизывающей, дьявольской ухмылкой. От этого впечатление от картины становилось неоднозначным.

– Заблудилась? – беспричинно радостно спросил Питер,

появившись неизвестно откуда.

– В каком-то смысле...

– Я покажу тебе комнату.

– Будь любезен.

Мы немного прошли по коридору и остановились у одной из многочисленных дверей.

– Если что, я живу прямо напротив.

– Мне не нужен ключ?

– Нет, двери не запираются. Первая дверь слева – комната миссис Беккер, в комнате через одну с тобой живёт Аня, вы подружитесь. Комната и кабинет управляющего находятся в другом крыле.

– Подожди, хочешь сказать, что на этом список постоянно проживающих здесь людей заканчивается?

– Да, штат сотрудников небольшой, потому что здесь не бывает много гостей.

– Значит, все эти комнаты пустуют?

– Да. Но в остальных нет кроватей. Поэтому выбирать не приходится. – Он указал на дверь, что находилась между моей и дверью некой Ани. – Эта комната вообще всегда заперта. И никто не знает почему.

– Спасибо за помощь, но мне ещё нужно распаковать вещи.

Питер понимающе кивнул, но вместо того, чтобы попрощаться, немного потоптался на месте и спросил уже зачем-то шёпотом:

– Полли, а сколько ты планируешь здесь проработать?

– Почему ты спрашиваешь?

– Хотел предупредить. Вернее, сразу... Ну, чтобы ты знала. Понимаешь?

– Нет, – честно ответила я.

– Здесь иногда случаются странные вещи. То есть... Я работаю здесь чуть больше месяца и начал замечать, что наши гости пропадают. Вернее, они всегда внезапно отбывают и только Мишель знает об их отъезде.

– Мишель?

– Да, управляющий. Это ерунда, я знаю, но поначалу всё здесь кажется странным, и я просто хотел, чтобы ты знала и не...не... – Бедный Питер так переволновался, что весь покраснел и начал заикаться.

– Не пугалась, я поняла.

– Да, именно, – он улыбнулся. – Полли, я знаю, что здесь бывает очень одиноко, особенно такими вечерами, как этот. Поэтому...

– Я помню, твоя комната напротив.

– Да. Тогда добро пожаловать.

– Спасибо.

Попрощавшись с Питером, я ввалилась в своё временное пристанище и с облегчением обнаружила, что у моей комнаты с остальным домом не было ничего общего: простенькие обои, большое окно, просторная кровать, письменный стол и вместительный шкаф. Ничего другого мне нужно и не бы-

ло. Никаких расфуфыренных картин, зеркал и мебели неизвестно какого века.

Я наспех скидала все свои вещи в шкаф, поленившись всё раскладывать по полочкам и развешивать по плечикам – всё равно бóльшую часть времени мне придётся находиться в униформе. И раз уж речь зашла о ней... Униформа представляла собой чёрное платье чуть ниже колен, с белым хлопковым воротником. Скромно, возможно, даже элегантно, но уж слишком, мягко говоря, мрачно: накинь чёрную вуаль – и на похороны. Не помню, когда я вообще в последний раз вылезала из удобных и практичных джинсов. Надеюсь, дело стоит того...

Прежде чем заняться изучением брошюры, которая терпеливо ожидала меня на кровати, я решила исследовать вид из окна – уж очень было интересно, что находится за пансионатом. К моему огорчению, к этому времени уже окончательно стемнело, и в окне я не увидела ничего, кроме едва различимых очертаний сада и беседки. Думаю, Питер знал, о чём говорил. Здесь и правда одиноко. И это тоскливое чувство уж слишком быстро добралось до меня. Я вдруг осознала, насколько это большой, наполненный лишь тишиной, абсолютно затерявшейся во времени дом.

Я задёрнула шторы и подошла к зеркалу, которое висело напротив кровати. Будет лучше, если я его тоже чем-нибудь закрою. Не вижу никакой необходимости так часто любоваться собой. Я и так прекрасно знаю, что у меня мальчи-

шеская фигура, зелёные глаза и неприлично длинные каштановые волосы.

Я переоделась в пижаму и обнаружила, что температура в комнате чуть ниже, чем нужно для моего комфорта, поэтому брошюру я изучала, уже лёжа под одеялом. Началось всё с нудного приветствия и небольшого рассказа о славном прошлом этого места. Однако всё написанное было каким-то слишком сухим и общим, что я невольно решила, будто это какая-то случайная статья из интернета, не имеющая ничего общего с пансионатом. А вот дальше...

Все служащие пансионата «Чёрная лилия» должны следовать следующему распорядку дня:

8:00 – подъём

9:00 – завтрак

10:00 – 15:00 – выполнение работы, соответствующей указаниям вышестоящего сотрудника (экономки; управляющего)

15:00 – ланч

15:30 – 18:00 – выполнение работы, соответствующей указаниям вышестоящего сотрудника

18:00 – ужин

19:00 – 23:00 – свободное время, в отсутствие других указаний

23:00 – комендантский час

Сотрудники обязаны соблюдать следующие общие правила пансионата: в рабочее время находиться строго в своей

униформе; следить за её чистотой. Иметь ухоженный, опрятный вид. Присутствовать при вселении гостей, приветствовать их. Не входить в контакт с гостями без острой необходимости. Содержать свою комнату в чистоте. Относиться к дому и любому предмету интерьера с особой бережностью. Запрещается выходить из своей комнаты после наступления комендантского часа с 23:00 и до 06:00, за исключением острой необходимости. Запрещается звать/впускать на территорию пансионата посторонних людей. Запрещается покидать пределы пансионата без разрешения и уведомления. Запрещается совершать звонки с телефона пансионата по личным вопросам без разрешения. Запрещается принимать от гостей чаевые и любые подарки. Каждую среду можно передавать управляющему списки покупок для личного пользования. (Стоимость вычитается из заработной платы) Каждый понедельник для всех выходной день, если в этот день сотруднику необходимо покинуть территорию пансионата, об этом следует сообщить управляющему заранее. Во всём доме с 00:00 до 06:00 гасится весь свет.

Пункты с комендантским часом и отключением всего света на ночь особо заинтересовали меня. Вернее, причины появления этих правил. Что случается с теми, кто осмеливается выходить по ночам в тёмные коридоры?

Я посмотрела на часы: 22:50. Что ж, тогда сегодня без душа.

Не помню, по-настоящему мучила ли меня когда-нибудь

бессонница, но в эту ночь уснуть мне никак не удавалось. По странному скрипу и постукиванию за стеной можно было бы подумать, что здесь бессонница – дело коллективное. Только вот Питер ясно дал понять, что соседняя комната всегда заперта и не используется. Дом старый, здесь сложная система вентиляции, возможно, это отзвуки банального сквозняка.

Ещё бы, прислушиваясь к каждому шороху – что-нибудь, да услышишь.

Я опасливо покосилась на зеркало и, чтобы отвлечься, принялась обдумывать завтрашний день. Как он пройдёт? Подружусь ли я с Питером и Аней? Найду ли общий язык с управляющим? Мишель, что он за человек? Наверняка чопорный старик, давно забывший, что такое цивилизация. Возможно, даже супруг миссис Беккер. А почему нет? Семейные пары часто принимают на такую работу. Но больше всего я думала, почему на самом деле оказалась здесь. Так я и ворочалась, уснув только ближе к утру.

Открыв глаза и не почувствовав себя разбитой, я тут же заподозрила неладное. На часах было уже 9:40, я давно проспала завтрак, а в дверь с завидной настойчивостью барабанила миссис Беккер. Грандиозное начало, ничего не скажешь!

– В чём дело, Полли?! Почему ты не появилась на завтраке? – Вылупилась на меня миссис Беккер, едва я распахнула дверь.

– Виновата. Я долго не могла уснуть на новом месте и, ка-

жется, не услышала будильник. Больше такого не повторится.

– И слышать ничего не желаю! Быстро приводи себя в порядок, через двадцать минут прибывают гости – ты должна быть внизу! Живо, девочка, живо!

Миссис Беккер удалилась, звонко цокая каблуками, а я принялась судорожно бегать по комнате, соображая, что где лежит. Найдя свои туалетные принадлежности и выдернув платье-униформу из шкафа, я помчалась в ванную комнату. О полноценном душе не могло идти и речи, поэтому я наспех умылась и собрала волосы в хвост. Осталось только переодеться и мчаться вниз. С первой задачей я справилась легко, а вот мчаться вниз пришлось в прилагаемых к платью туфлях на небольшой платформе. Святые макароны, никогда бы не подумала, что это так сложно! К слову, каблуки я надевала один раз в жизни, и то лишь для школьной фотографии. Но, боюсь, кровавые мозоли были для меня сейчас наименьшей проблемой. Я споткнулась на одной подлой ступеньке и почти кубарем скатилась вниз, разбив губу, растрепав волосы и разодрав платье до неприличного выреза сбоку. За этим великолепным шоу снизу наблюдали побледневшая миссис Беккер, Питер и очень симпатичная кудрявая девушка.

– Вот это ты круто навернулась! Ты в порядке? – подскочил Питер.

– Не уверена...

– Нужна помощь? – Незнакомка с ангельским личиком и сладким голосом наклонилась ко мне и подала руку.

– Как такое случилось? – свирепо проворчала миссис Беккер. – Сейчас спустится Мишель – он будет в ярости!

– Туфли мне немного велики, простите, я должна быть аккуратнее. – Я виновато склонила голову, понимая, что в деревянном полу, на котором я растянулась, больше сочувствия, чем в этой женщине.

– Приводи себя в порядок и возвращайся!

– Да...

Я с некоторым облегчением развернулась к лестнице и уже собралась на неё взобраться, но застыла, увидев, спускающегося мне навстречу человека. Это был высокий мужчина в чёрной водолазке и джинсах. Он допивал свой утренний кофе на ходу и сосредоточено смотрел на парадную дверь, не обращая внимания на всех стоявших внизу. Он и мимо меня прошмыгнул, даже не заметив. А вот я успела хорошенько разглядеть его. У него были длинные, чуть вьющиеся светлые волосы, убранные в неряшливый пучок. Несколько прядей спадали на лицо, словно пряча небольшой вертикальный шрам над левым глазом. Под изящными очками, будто стекляшки на солнце, сверкали голубые глаза. На тонких губах расплылась едва уловимая ухмылка.

– Доброе утро, Мишель, у нас тут небольшой казус, – деловито заявила миссис Беккер.

Мишель? Управляющий?

– Доброе утро всем. О чём вы говорите, миссис Беккер?

«Маленьким казусом» была я, и она услужливо кивнула в мою сторону. Мишель обернулся и наконец заметил меня. Его невозмутимое лицо вытянулось от удивления. Он смотрел мне в глаза, и на секунду мне показалось, что он чего-то испугался. Затем он чуть встряхнул головой, чтобы прийти в себя, поправил очки и сделался серьёзным. Теперь к моему горлу подступил ком. Я узнала это красивое лицо, пропитанное аристократичным холодом! Неужели это его огромный портрет висит на втором этаже? Каким же самовлюблённым типом для этого нужно быть?

– Это мисс Полли, она прибыла вчера вечером.

– Ах да, Полли! – наигранно улыбнулся Мишель. – Что с тобой стряслось?

– Она с лестницы навернулась! – не сдержался Питер.

– Запнулась, – добавила я.

– Надеюсь, не сильно ушиблась? – ласково произнёс Мишель, с совершенно злыми глазами.

Я не успела ничего ответить, как распахнулась парадная дверь и в вестибюль вошёл уже знакомый вчерашний водитель. Он хмуро кивнул всем присутствующим и занёс два небольших чемодана. Следом внутрь вплыли две молодые женщины. Обе высокие, ярко накрашенные брюнетки в довольно вульгарных платьях. Они громко смеялись и всё время называли водителя душкой. На это он закатывал глаза и молча скрипел зубами.

– Добро пожаловать в пансионат «Чёрная лилия» Этот дом был возведён в 1767 году! Мы бережно храним традиции этого славного места! – заученным текстом чеканила миссис Беккер, не обращая внимания на то, что её никто не слушает. Женщины деловито осмотрели вестибюль и перевели свое внимание с водителя на Питера, а затем уже и на Мишеля.

– Меня зовут Линда, а это моя сестра Берта. Мы ужасно рады наконец оказаться здесь! – промурлыкала та, что повыше.

– Дамы, я рад приветствовать вас в своём пансионате! – Мишель пожал женщинам руки. Водитель в это время бесшумно испарился, а миссис Беккер продолжала напыщенно распинаться.

– Было бы перед кем, – словно прочитав мои мысли, сказала кудрявая девушка, подойдя ко мне. – Прости, мы не знакомы, я Аня.

– Я так и подумала. Полли.

Больше мы не нашли, что сказать друг другу, поэтому продолжили наблюдать за сценой молча.

– Мишель, как тут чудно! Как чудно!

– Мишель, вы моложе, чем я думала!

– Ах, как жаль, что мы всего лишь проездом!

– Ах, скорее покажите нам тут всё!

Мисси Беккер закончила свой рассказ и наказала Питеру отнести чемоданы гостей в их комнаты, а затем обратилась

уже к управляющему:

– У вас будут какие-то особенные указания?

– Нет, миссис Беккер, сейчас мы уладим все вопросы, и я сам проведу экскурсию для наших посетительниц. И да, нам троим ланч попрошу подать сегодня в саду.

– Слушаюсь. А как быть с... – Она замялась, косясь на меня.

Мишель недовольно вздохнул и сделал миссис Беккер знак взглядом. Она его прекрасно поняла и послушно кивнула. Когда управляющий, облепленный с двух сторон дамами, скрылся, она сообщила:

– После ланча Мишель будет ждать тебя в своём кабинете, для подписания документов.

– Мне казалось, что я всё подписала ещё в кадровом агентстве.

– Пока переоденься во что-нибудь своё, а я поищу другую форму твоего размера, – словно и не слыша меня, продолжала миссис Беккер. – Аня покажет тебе, где можно взять инвентарь для уборки, после чего ты должна будешь протереть от пыли все картины, панно и бра в доме, за исключением обитаемых комнат.

– А позавтракать я могу?

– Ты плохо изучила распорядок дня?

– Но я голодна!

– Это послужит тебе уроком.

– Ну и стерва... – протянула я, когда миссис Беккер скры-

лась из виду.

Аня, всё это время стоявшая рядом, виновато улыбнулась и предложила угостить меня крекерами, если я пообещаю больше так не выражаться. Паршивые крекеры за обещание, которое я всё равно не сдержу? Такими нравами меня не проймёшь. Чтобы продемонстрировать это, я была готова произнести вслух что похуже. Но Аня не заслуживала это. Она смотрела на меня совершенно ясными серыми глазами и искренне не понимала, что меня так возмутило. Я не умею играть в карты, плохо плаваю и терпеть не могу зеркала, но фальшь я раскусываю на раз-два. Поэтому Аня мне сразу понравилась. Поэтому мне сразу не понравился Мишель. Не понравился этот дом. Пустой, скрипучий, скрывающий за изысканными шёлковыми обоями гниющие доски. Он казался мне фальшивым – вот что мне не нравилось в нём. Мне придётся задержаться здесь. Впитать в себя сырость этих коридоров, прикоснуться руками к перилам, которые сохранили призрачный след прикосновений давно ушедших из жизни людей, дышать спёртым воздухом и лавандовыми благоуханиями. Чёрт побери, от чего исходит этот запах?

Глава 1. Тени и шорохи

Одной рукой я старательно смахивала пыль с многочисленных картин, а второй доставала из кармана крекеры и закидывала в рот. Они звонко хрустели и крошились на пол и мне на свитер. Таким образом, я оставляла за собой беспорядка больше, чем убирала. Бедная миссис Беккер, она позеленеет, когда увидит это. Но мне было всё равно, я всё ещё злилась на неё. Я плохо переношу голод – особенно по утрам. Я как раз размахивала пёстрым пипидастром перед лицом нарисованного Мишеля, когда услышала её манерное цоканье. Она вышла из арки левого крыла и молча наблюдала за моей работой. Какое-то время я делала вид, что не замечаю, но вскоре уже не смогла терпеть её давящий взгляд.

– Проверяете мою работу, миссис Беккер?

– В чём дело, Полли? Ты испачкала ковёр.

– Правда? Где? Ох... я не специально...

– Это пустяки, я сама уберу.

К моему удивлению, и чуть-чуть к разочарованию, женщина отнеслась к моему маленькому бунту очень спокойно, словно ничего другого она от меня и не ожидала. После этого мне стало даже немного стыдно за своё ребячество.

– Я принесла в твою комнату новое платье – переоденься.

– Хорошо, только закончу с Мишелем.

– О чём ты? – вытянулась она.

Я тоже вытянулась и кивнула на портрет.

– Сходство поразительное, я знаю, но это не Мишель, – едва не рассмеялась она.

Я не поверила ей, но ещё раз всмотрелась в изображённое лицо. Возможно, человек на портрете был чуть старше, точно не носил очки и у него не было шрама над левым глазом, но в остальном...

– Это основатель дома. Полли, могу я дать дружеский совет? – Миссис Беккер подошла ко мне очень близко и мягко положила руку на плечо.

Я насторожилась, но всё же кивнула. Тогда она продолжила:

– Постарайся проявлять чуть больше такта. Сейчас ты находишься в чужом доме, в чуждой для тебя обстановке. Уважай это. – Её тон был спокойным, но очень настойчивым.

– Простите, я и правда проспала случайно. И падать с лестницы я тоже не хотела.

– Мы не ведём речь об этом. Я лишь хочу предупредить, если ты будешь специально нарушать правила этого места, рано или поздно нарвёшься на большие неприятности.

– Да я же только приехала, какие нарушения?

– Неприятности. Ты поняла меня? – строго повторила она. – Хорошего дня.

Женщина привередливо осмотрела свои идеально начищенные лакированные туфли и, не найдя ни одного изъяна, спустилась в вестибюль, не став дожидаться моего отве-

та. Нарушения... Она раскусила меня? Лихо, миссис Беккер, лихо. Вот только я тоже легко читаю всё, что у вас на уме.

Я проглотила последний крекер и вернулась в свою комнату. На спинке кровати аккуратно висело новое платье и чулки. Это было не единственное свидетельство визита миссис Беккер. Она также вернула на стол салфетку, которой я накрыла зеркало, взбила подушку и закрыла окно, которое я открыла перед уходом, чтобы проветрить комнату. Даже если она знала бы с какой ревностью я отношусь к личному пространству, что с того? Её долг следить за порядком и плевать, что у меня теперь чувство, будто кто-то покопался в моём белье.

Я распахнула окно и уселась на подоконник. В комнату сразу ворвался свежий аромат цветов и хвои. Солнце сияло, но не грело – ветерок был прохладным. А может, его лучи попросту не доставали до этого места? Деревья обступали пансионат со всех сторон. Они были молчаливыми и могущественными покровителями старого особняка, защищая его от нежелательных взглядов и шума. От солнца – тоже.

С задней стороны пансионата не было забора. За клумбами и зарослями ежевики сразу начинался лес. Беседка была обвита плющом и облюблена птицами. Особое внимание привлекала каменная скамейка, спрятанная под тенью тисового дерева. Она стояла на границе двора и леса и смотрела в самую чащу. Должно быть, тот, кто расположил её таким образом, любил уединяться там. Уединяться в и без того са-

мом одиноком месте на планете? Ох...

В дверях появилась лохматая голова Питера и сообщила, что перед обедом мне ещё предстоит накрыть стол для Мишеля и его громкоголосых дам. Я переоделась в новое платье и спустилась вниз.

– Они попросили только пудинг и чай, – пояснила Аня, вручая разнос с десертом и тремя чайными парами. – Аккуратно составь это на стол в беседке и возвращайся.

С кухни пахло запечённым картофелем и рыбой. Рыбу не люблю, но пахло вкусно. Поэтому я решила поскорее со всем закончить и присоединиться к остальным, пока миссис Беккер снова не решила поморить меня голодом.

Я долго рассматривала сад из окна своей комнаты, но вышла сюда впервые. Снизу он вызывает совсем другие ощущения. Если в комнате, смотря на вросшую в небо ограду из деревьев, я чувствовала себя в ловушке, то здесь напротив – под защитой. Цветочный аромат дурманил, а дом не возвышался безликим зловещим силуэтом – со двора особняк почти до самой крыши оплетали кудрявые лианы. Поэтому холодная стена казалась пушистой и приветливой.

За столом в беседке сидела Линда. Она курила через мундштук, задумчиво рассматривая свою ладонь. Женщина крутила её в разные стороны, подносила то ближе к лицу, то отставляла, чтобы получше разглядеть на солнце. Я, кроме ужасно кричащего маникюра, в её руке ничего необычного не находила. А вот она словно не узнавала её. Я ожидала,

что, увидев меня, она смутится и прекратит. Но она даже не подумала. Линда с интересом окинула меня взглядом и поднесла ладонь к моему носу.

– Как думаешь, душечка, сколько мне лет? – Не успела я продумать вариант более тактичного ответа, как дама уже сменила тему: – Что случилось с твоей губой?

– Ерунда, споткнулась на лестнице.

– Ты легко отделалась, – совсем не удивившись, сказала она. – Могла бы и шею свернуть.

– Вы правы. – Она и была права. Чертовски.

– Это дом решил проучить тебя. Он бывает коварен.

– Откуда вам знать? Разве вы не впервые здесь?

– Все старые дома одинаковы. Они веками впитывают энергию своих хозяев, а со временем обретают душу и уже сами распространяют свою энергетику. Конкретно этот дом может стать твоим злейшим врагом. Или лучшим местом во всём мире. Тут всё зависит от тебя.

– Неужели?

– Я слышу ноты недоверия в твоём голосе?

О, ещё какие!

– Знаете, администрация пансионата не приветствует общение служащих с гостями.

– А ты дорожишь этой работой?

– Я приехала только вчера, не хотелось бы вылететь так скоро из-за глупости...

– По-твоему, я говорю глупости? – Линда стряхнула пепел

и очень нехорошо посмотрела на меня, сверкнув янтарными глазами.

– Глупость то, что я могу вылететь из-за такой мелочи.

Женщина неожиданно залилась смехом:

– Ты просто прелесть! Находка! Ты всегда такая?

– Какая?

– Я всего лишь пошутила – а ты за чистую монету. Ладно. – Она снова стала серьёзной – Думаю, у тебя есть причины, чтобы дорожить этой работой.

– Да, здесь хорошее жалование.

Линда прищурилась и игриво помотала мне указательным пальцем.

– Ты лукавишь, дорогуша! Лукавишь... Никто не приезжает сюда за деньгами. Здесь или ищут что-то, или скрываются от чего-то. Всего два варианта. Два!

Я поверила ей, она знала что-то такое, чего не знал ни один обитатель этого пансионата. А главное – ей не терпелось разболтать это мне. Её прямо распирало от удовольствия. А меня от любопытства. Я уже была готова плюнуть на урчащий желудок и на предупреждения миссис Беккер, сесть за столик к Линде и расспросить о том, что ей ещё известно. Но тут неожиданно из дома вышел Мишель. По его озлобленным глазам я поняла, что он слышал больше, чем мне хотелось бы. Слышал не то, что говорила я или Линда. А то, что мы вообще разговаривали.

Я поставила на стол содержимое разноса и, пожелав при-

ятного аппетита, поспешила скрыться. Мишель не произнёс ни слова, да этого и не требовалось, чтобы понять, что он в ярости. От одного его взгляда я ощутила следы невидимой бензопилы на своей спине. Неприятное ощущение. Очень.

За обедом миссис Беккер снова напомнила, что нужно подписать какие-то бумаги. Поэтому я дождалась, пока Мишель вернётся в кабинет и поднялась следом. Я постучала и тут же вошла. Кабинет управляющего был не таким большим, как я его представляла. И в целом выглядел просто: темно-зелёные обои, красные шторы, несколько картин, большой дубовый стол и кожаный, вполне современный диван. Мишель сидел за столом и перебирал в руках какие-то бумажки, время от времени поправляя пальцем очки или убирая спадавшие на глаза прядки волос.

– В чём дело, Полли? Не робей, присаживайся, – безучастно произнёс он, не поднимая глаз.

Тогда я ещё не знала, что это часть игры. Его игры. Игры, в которую он играл мастерски. Любимой игры. Игры под названием: «Сорви с меня маску». Я намного позже узнаю, что, сорвав одну маску с Мишеля, ты непременно натыкаешься на другую. Третью, четвёртую, пятую... А оголив лицо, жалеешь об этом, ведь его сущность оказывается более пугающей, чем любая маска.

Я уселась в кресло напротив стола и стала ждать. Мишель бесконечно перелистывал какую-то папку, хмурил брови, словно у него что-то не сходится, открывал другую и вы-

читывал что-то уже там. Затем он задумчиво чесал подбородок, протирал очки и с ещё более озабоченным видом доставал другую папку из ящика стола и погружался уже в неё. Когда наконец он собрал все бумаги и убрал их в стол, я решила, что сейчас он займётся мной. Вместо этого он поставил на стол графин, налил в бокал воду и не стал её пить. Он снова повозился с какой-то папкой, угрюмо сверил часы и лишь после этого посмотрел на меня. От этих монотонных движений я как-то потеряла бдительность, поэтому слегка вздрогнула, когда он начал говорить.

– Так в чём же дело, Полли? – Моя растерянность явно принесла ему удовольствие, он ехидно усмехнулся и положил подбородок на сплетённые в замке руки.

– Не понимаю вас.

– Миссис Беккер очень просила поговорить с тобой. Она думает, что ты слишком легкомысленно относишься к этой работе.

– Со всем уважением, но нельзя же так придирааться из-за того, что я не влилась в работу с первого дня.

– Я попытался донести до неё примерно то же самое, но она любит, чтобы всё было идеально.

– Я заметила.

Я ёрзала в кресле, чувствуя себя ничтожной. Словно снова попала в школу и сейчас меня будет отчитывать директор, а потом вызовет в школу Надю. До меня начинало доходить, что весь этот цирк с перебиранием документов он устроил,

чтобы заставить меня нервничать, обезоружить, вымотать, проще говоря – наказать. Наказать не по просьбе экономки. Было что-то ещё.

– Линда очень заинтересовалась тобой, – произнёс он, сделавшись каким-то мрачным. – Почему?

Я помотала головой, хотя знала ответ и даже прокручивала его в голове, ожидая, что вот-вот Мишель сам произнесёт его вслух.

– Потому что ты, проигнорировав все указания, трепалась с ней, как со старой знакомой.

– Но она сама начала разговор. Что мне было делать? Игнорировать?

– Я могу понять, что ты ещё не освоилась, а Линда оказалась на редкость болтливой. – Он снял очки и вытянулся вперёд. – Но впредь постарайся не вступать в разговоры с гостями. Я требую не многого, верно?

– Я вас поняла, Мишель.

– Что ж, если мы друг друга поняли, тогда перейдём к делу.

Он открыл свой треклятый ящик и не глядя достал из него какие-то бумаги.

– Подпиши.

– Что это?

– Соглашение о неразглашении конфиденциальной информации и отказ от претензий в случае травм.

– Это обязательно?

– Можешь не сомневаться. Абсолютно типовой документ, не беспокойся.

Он протянул ручку и с нескрываемым любопытством уставился на меня. Я расписалась на шершавой бумаге, поражаясь про себя, как послушно это делаю. Станным образом Мишель умел давить и гипнотизировать одним лишь своим присутствием.

– Замечательно. Полагаю, Полли, ты можешь вернуться к своим обязанностям.

С этими словами он подошёл к сейфу, положил туда подписанные мной документы и вытащил другую стопку бумаг. Глаза выхватили жирную титульную строку. «Люси Брекк» – прочитала я. Мишель брезгливо повертел стопку в руках, и выбросил в урну, разорвав перед этим листочки на несколько частей.

– Ты ещё здесь?

– Я хотела спросить...

– Спрашивай.

Ничего я не хотела у него спрашивать. Более того, мне бы хотелось как можно реже разговаривать с этим типом. Поэтому ляпнула первое, что взбрело мне в голову, чтобы он не подумал, будто я специально подсматривала. Хоть это и было так.

– Для чего здесь такой строгий комендантский час, во время которого даже отключают электричество?

– В целях экономии, разумеется. Я отключаю на ночь

только осветительные приборы, а не всё электричество. Ты удивишься, как часто кто-то забывает выключать торшеры или лампы. Это расточительство. Соответственно, никому не следует бродить по дому в темноте. У тебя с этим какие-то проблемы?

– Нет, чистое любопытство.

– Любопытство... – задумчиво протянул Мишель, смотря на меня сквозь стакан с водой.

– Я пойду...

После обеда мы с Питером поменяли шторы в гостиной на свежевystиранные, а Аня отнесла старые в прачечную. На каких-то десять минут комната наполнилась ароматом цитрусовой свежести и засияла. Но шторы быстро впитали в себя затхлость и лавандовый дымок, и всё стало по-прежнему.

– Привыкнешь, – подмигнул Питер, заметив мой сморщенный нос.

– Звучит обречённо.

– Это ты слышишь обречённо. А звучит нормально.

– Даже спорить не стану. Послушай, Пит... Ты не знаешь, кто такая Люси Брекк?

Питер, до этого пребывавший в хорошем настроении, как-то осел и принялся суетливо сворачивать провод отпаривателя для штор.

– Мы же ещё не закончили. Ты куда?

– Мне... Там с фасада рама покосилась, миссис Беккер просила посмотреть. Справишься тут сама?

– Что-то не так?

– Полли, вечером поговорим, идёт?

– Вечером?

– Да, в девять мы с Аней будем играть в карты у камина.

Приходи тоже. – Он спешно выбежал из гостиной

Шустрый, крепкий парень превратился в напуганного глупой страшилкой школьника, при упоминании лишь одного имени. А ведь он пробыл здесь не так уж и долго. Нужно бы узнать, сколько уже здесь работает Аня.

Я ещё примерно час провозилась со шторами и отправилась на ужин. Для Мишеля и его гостей было накрыто в столовой. Но никто из них на ужине так и не появился. Мы поедали вкуснейшие ростбифы за маленьким столиком на кухне и смотрели, как остывают их порции. Питер без остановки травил дурацкие анекдоты, почти всегда забывая их концовки. Аня вежливо подхихикивала. А миссис Беккер выглядела ужасно печальной. Думаю, это всё оттого, что даже сам управляющий не слишком-то уважал её обожаемый распорядок дня.

– А когда гостей нет, Мишель тоже ест отдельно?

– К чему такие вопросы? – недовольно спросила Беккер.

– Любопытство...

Питер нарочно очень громко стал пересказывать сценку из какого-то ситкома, дабы я ещё что-нибудь не спросила у Беккер. Неужели он боялся, что следующий мой вопрос будет про Люси Брекк? Но я уже вся погрязла в собственных

мыслях. Что заставило Мишеля отказаться от обычной жизни и поселиться здесь? Он слишком молод для затворника, слишком молод и хорош собой. Не буду спорить, что есть люди, которые мечтают о спокойной жизни в подобной глуши. Но Мишель чересчур амбициозный для такой работы. Линда говорила, что здесь или ищут что-то, или от чего-то прячутся. Относится ли это и к самому Мишелю? Ко мне относится.

Я хотела заглянуть в журнал регистрации, поэтому после ужина отправилась полировать стойку в вестибюле. Но, проверив всевозможные полочки и ящики, я обнаружила только совершенно пустую книгу жалоб и предложений и журнал регистрации посетителей без единой записи. Не нашлось и рекламной брошюры или даже паршивого телефонного справочника – не слишком странно, если задуматься – единственный телефон я пока видела только в кабинете управляющего.

Я понуро облокотилась на стойку и стала разглядывать висевшие за ней картины. Рабочий день подошёл к концу. Следовало поторопиться, чтобы успеть принять душ перед игрой в карты с Питером и Аней. Следовало бы, но я не могла оторвать глаз от неприметной, на первый взгляд, картины. Она была совсем крохотной и висела в самом углу между розовыми пионами и какой-то уродливой лошадыю. Никто никогда не наткнулся бы на неё случайно. Она висела там для очень внимательного зрителя.

– Нравится? – внезапно донеслось из-за спины.

Я не удивилась, увидев Линду. Она снова курила и рассматривала больше меня, чем картину.

– Я не разбираюсь в искусстве.

– Однажды в какой-то галерее я повстречала слепого, который рассматривал картины. Я поразились и не могла не спросить, как он это делает. Тогда он ответил, что смотрит картины сердцем, чувствуя вибрацию произведения и его энергетику. Не всегда, чтобы видеть суть, нужны глаза. Понимаешь?

Я пожалала плечами и снова уставилась на картину. Но как бы я ни старалась, мне не удалось почувствовать ни малейшей вибрации. С какого бы ракурса я ни смотрела – передо мной по-прежнему было изображение человека, болтавшегося в петле. Висельник. Есть ли в этом что-то сакральное? Какую суть в этом можно увидеть? Тот, кто нарисовал это – хотел что-то сказать. Тот, кто повесил картину сюда – понял, что именно. Судя по хитрой ухмылке Линды, у неё на этот счёт тоже имелись какие-то мысли. А я смотрела и не видела. И чем дольше это продолжалось, тем меньше мне это нравилось.

– Следи за ним, ладно?

– За кем? За висельником?

– Ты не видела мою сестру?

– Нет. Так за кем мне следить?

– Куда же она запропастилась? – с искренней тревогой

спросила Линда, выдыхая очередное облако дыма.

– Попробуйте спросить у Мишеля или миссис Беккер.

– Наверное, она где-то на улице. Не сходишь со мной, чтобы посмотреть?

– Не думаю, что это лучшая идея. Позвать миссис Беккер?

– Нет. Холодная она женщина. Обледеневшая... Мне с ней некомфортно. Я прошу о помощи тебя.

– Мне жаль, но я не имею права. Мишель разозлится, если узнает, что я опять с вами говорила.

– Мишель... Вселяющий ужас одним лишь недобрым взглядом. Но хочешь я открою тебе маленькую тайну? – Линда наклонилась ко мне так близко, что я почувствовала, как аромат её парфюма сражается за преобладание с табачным дымом от её сигареты. – Мишель всего лишь испуганный котёнок!

После этих слов женщина выпрямилась, заполнила вестибюль своим задорным смехом и куда-то удалилась. Думаю, искать сестру в одиночестве.

Я встряхнула головой, надеясь забыть несчастного висельника и весь этот разговор. Моё мнение по поводу управляющего было кардинального другим. А вот Линде с её эксцентричностью такие суждения вполне позволялись.

В камине приятно трещали дрова, заполняя комнату небывалым уютом. Мы расселись на полу полукругом и подставляли ладони к огню. Нас освещал лишь он и пара небольших торшеров у дивана, в остальной комнате было

темно. Этого вполне хватало, чтобы видеть друг друга и карты. Все сняли обезличивающую униформу и переоделись в личные вещи. Питер был в чёрной футболке с изображением какой-то рок-группы, оказалось, что у него широкие плечи и довольно крепкие руки. На шее болтался амулет в форме пацифистского креста. Через рваные джинсы проглядывали острые коленки. Аня была в голубом платье с оголёнными плечами. Нежно бежевые кудряшки откидывал назад синий ободок. Поменялось так мало: мы всего лишь сняли форму, но тут же превратились в отдельных людей со своими историями, вкусами, взглядами. По крайней мере, так виделось мне.

Питер уже четыре раза объяснял мне правила игры. Я всё ещё ничего не поняла, но переспрашивать ещё раз не хотела. Поэтому снова проиграла. Да игра и не сильно увлекала меня. Я пришла сюда, чтобы поболтать с ребятами.

– А миссис Беккер не против таких посиделок?

– Нет, но настаивает, чтобы мы расходились по комнатам не позднее половины одиннадцатого, – пожалала плечами Аня.

– Хотя сама она редко ложится спать позже десяти, – добавил Питер.

– Значит, никто особо не следит, чтобы соблюдался комендантский час?

– Нет, но кому взбрёт в голову шастать в темноте?

Аня вызвалась принести всем чай и убежала на кухню. Питер перетасовал замыленную колоду карт, убрал её в кар-

ман и нацепил на себя самую серьёзную гримасу, какую только имел в арсенале.

– Как ты узнала про Люси?

– Увидела досье с её именем в кабинете Мишеля. Вернее, видела, как он его выбросил.

– Понятно. Полли, эта девушка работала здесь до тебя.

– Её выгнали или она сама сбежала отсюда?

– Нет, она погибла.

– Вот как?

– Да. Когда я приехал, Люси работала здесь всего месяц. Как-то раз она не спустилась к завтраку. Миссис Беккер пошла проверить в чём дело и обнаружила её мёртвой. В своей постели. Тогда она спустилась в столовую и повседневым тоном сообщила, что Люси не дышит. Я тоже поднялся, чтобы удостовериться. Она просто лежала там, как живая, словно не подозревала, что умерла. Это был первый день Ани, кстати... Да, у кого-то был первый день хуже, чем у тебя, представляешь? – нервно хихикнул он, стараясь взбодрить то ли меня, то ли себя.

– А что полиция?

– Опросили нас и увезли тело, а потом сказали, что смерть произошла по естественным причинам, якобы она болела чем-то...

Аня принесла ромашковый чай и блюдце, наполненное всё теми же крекерами. Она сразу поняла о чём зашёл разговор и предложила переместиться на диван.

Не знаю, были ли у остальных подобные мысли, но меня окутывало нехорошее подозрение, что работники здесь меняются с пугающей частотой.

– А в какой комнате она жила? – Я вдруг вспомнила про ночной скрип и невольно передёрнулась. – Случайно, не в той, что всегда заперта?

– Нет, у неё была комната в самом конце коридора.

Над нами повисла странная тишина. Никто не хотел уходить спать на такой ноте, но что ещё сказать – тоже не знал.

– Такое бывает, – угрюмо произнёс Питер. – Я слышал от Беккер, что она иногда ходила во сне. Думаю, Люси и правда была больна.

Мне не хотелось спорить с Питером, что лунатизм не то расстройство, от которого люди засыпают и больше никогда не просыпаются. Просто нам всем хотелось услышать, что произошедшее с Люси не грозило нам. Она работала здесь. Мы тоже. Она болела. Мы нет.

– Линда и Берта уже в своих комнатах? – Я отхлебнула чай и решила перевести тему, хотя история с Люси никак не выходила у меня из головы.

– Я их не видел.

– Я тоже. Они оказались совсем тихими, – подала голос Аня.

– А я вот пару раз говорила с Линдой. Знаете, мне показалось, что её бывает слишком много.

– Говорила? – поперхнулся Пит. – Мишель не обрадуется.

– Уже не обрадовался... У него по этому поводу какой-то пунктик?

– Да чёрт его разберёшь, Полли. Странный он. Никогда никуда не уезжает, часто ночами сидит в саду. А ещё, кажется, он чем-то болен, ходит иногда бледнее смерти... А вообще, девушки, нам не должно быть до этого дела, верно? Мы ведь приехали сюда подзаработать деньги? На остальное плевать.

Мы все дружно закивали, и я в очередной раз вспомнила слова Линды...

Я плюхнулась в постель и тут же задремала. День выдался хлопотным и слегка нервным. Знала бы, что приберегла для меня ночь...

Сон был ярким и тревожным. Там был Висельник. Он болтался в петле, дрыгал ногами и истерично смеялся. Была Люси, она ходила по пансионату с закрытыми глазами и стучала во все двери. Когда она постучалась ко мне, в комнату влетел Питер и сказал не впускать её, ведь Люси мёртвая. Миссис Беккер во сне предстала молодой. Она стояла в темноте у зеркала, держа за руку маленького светлого мальчика. Однако в зеркале она отражалась уже с маленькой мёртвой девочкой. Аня приснилась мне тающей. Как тает мороженое на солнце или ледяные скульптуры, только она таяла чернотой. Там был и Мишель. Он стоял у парадной двери, лучезарно улыбался и протягивал мне руку. Мои ноги увязли в трясине, я не могла выбраться, но ухватиться за его руку

почему-то было страшнее, чем утонуть в болоте. А Мишель всё улыбался и что-то шептал. Вскоре шёпот превратился в невыносимый скрип, и я проснулась. Сон исчез. Скрип нет. Он доносился из-за стены.

Я вскочила и попыталась нащупать выключатель, но вскоре вспомнила, что света не будет до утра. Скрип стих и тишину уже разрывал только бешеный стук моего сердца. Мне был необходим свежий воздух. Я распахнула окно и села на подоконник, тем самым продлив свой кошмар: в беседке сидел Мишель, а по обе стороны от него Линда и Берта. На столе стояли зажжённые свечи, поэтому я хорошо могла разглядеть их лица. Они... Они пялились в моё окно! Смотрели прямо на меня! Чёрт! Что за дьявольщиной они там занимаются? Почему их глаза такие зловещие? Мне захотелось проснуться, но на этот раз это был не сон.

Я сползла на пол и стащила одеяло на себя. Нужно было успокоиться. Так я просидела ещё несколько минут, по очереди косясь на окно, зеркало и стену. Хотелось обложить себя подушками и уснуть. А если и не уснуть, то хотя бы дождаться рассвета. Безумно не хотелось выходить в зияющий чернотой коридор. Но я знала, что сделаю это.

Это случилось давно. Достаточно давно, чтобы привыкнуть, но недостаточно, чтобы смириться...

Под подушкой я прятала фонарик. Им и вооружилась, и вышла за дверь. Пансионат оживал с наступлением темноты. Это удерживало всех по ночам в своих комнатах сильнее,

чем комендантский час. Тени, шорохи, скрипы – это самое безобидное, чем наполнялся дом. Скрип же из соседней комнаты в коридоре слышен не был. Я прильнула ухом к двери – тихо. Дверь, как и говорил Пит, была заперта. Сквозь замочную скважину виден только мрак. Я снова завершила себя, что скрип – это банальное завывание сквозняка и вернулась к своей комнате.

На лестнице послышались шаги. Не крадущиеся и маскирующиеся, а вполне уверенные и, в отличие от всех остальных стонов ночного дома, настоящие. Я бы решила, что это Мишель возвращается к себе. Но шаги спускались. Я выключила фонарик, подождала пока глаза привыкнут к тьме и последовала к лестнице.

Внизу я растерялась. Место казалось совершенно незнакомым, а кругом шныряло столько теней, что сразу было и не разобрать, какая из них мне нужна. Я проскользнула в гостиную, освещаемую голубым свечением заглядывающей в окна луны. Там никого не было, но пустой она не была. Люди и животные на картинах смотрели на меня с болезненным оскалом, следя за каждым движением. В камине танцевали языки призрачного пламени, обогревая уснувшего в кресле седого хозяина. Рядом сидел мальчик и шёпотом читал книжку. В окно заглядывал огромный пёс с горящими жёлтыми глазами. Я зажмурилась и встряхнула головой. Призраки, созданные пугающим сочетанием полумрака и воображения, как и ожидалось, рассеялись.

Где-то со стороны кухни послышались шаги. Я ещё раз осмотрела гостиную и пошла на шум. Чья-то длинная фигура топталась у входа в подвал и, кажется, предусмотрительно оглядывалась. Человек никак не освещал себе дорогу – он явно хотел остаться незамеченным.

Дверь отворилась с глухим скрипом, и фигура быстро проскользнула за неё. Я сосчитала до ста и отправилась следом. Внизу напротив друг друга располагались две двери. Одна вела в прачечную, другая в бойлерную. Я поочерёдно заглянула и туда, и туда, но никого не обнаружила. А вот дальше был узкий коридор, уводящий в злую неизвестность. В коридоре не было лампочек и напольного покрытия, только какой-то грунт. Кажется, люди бывали здесь редко. Может, не следовало соваться и мне, но обидно возвращаться ни с чем, когда уже зашёл так далеко.

Я тяжело вздохнула и поплелась вперёд, мысленно вспоминая все известные мне проклятия. Чёртовы подвалы, так и тянут к себе неспящих и маньяков. Наверняка тут и крысы водятся. Я включила фонарик и посветила под ноги, чтобы убедить себя в обратном и только после этого поняла, что выбежала из комнаты босой.

Неспящих и маньяков...

Я долго кралась вдоль стены, надеясь и одновременно боясь встретить тайно пришедшего сюда человека. А что, если тот, за кем я иду, в свою очередь, и сам преследует кого-то? А тот кто-то ещё кого-то? От этой рекурсии у меня закружи-

лась голова и я не заметила, как наступила во что-то липкое и тёплое. Между тем коридор закончился внезапным тупиком.

– Да какого... – прошипела я, ощупывая стену.

Куда делся человек, если тут тупик, стало волновать меня меньше всего, когда я увидела во что вляпалась: вязкая, багровая, тёплая лужица крови растеклась причудливым зигзагом и обволокла мои ноги. Я почти взвизгнула и попятилась назад. Мерзкие ощущения расползлись по телу от ног и до самой головы. Не помня себя, я выскочила из подвала и побежала наверх. Было необходимо показать это кому-то ещё.

Я поднялась на второй этаж и принялась барабанить в двери Питера и Ани. Первым высунулся взлохмаченный Питер. Он тёр глаза и слепил меня фонариком.

– В чём дело, Полли? Ты совсем, что ли?

– Питер! Там кровь!

– Какая кровь? Где? Не шуми, давай завтра поговорим. – Он зевнул и попытался закрыть дверь, но я ухватила его за руку и выволокла в коридор.

– Ты в своём уме? – взвыл он.

– Что происходит? – Запахивая халат, в коридор вышла Аня.

– Кажется, Полли во сне ходит, – объяснил Пит.

– Я не сплю!

– Да не шуми ты так.

– Да как же вы не понимаете? Вдруг там кто-то истекает

кровью? Мне нужна помощь!

– Кому нужна помощь? Что здесь происходит? – донеслось из темноты.

Питер направил фонарик на голос и луч выхватил из черноты бледное лицо Мишеля. Он поморщился от яркого света и снова шагнул в темноту.

– Послушайте, я услышала шум и вышла из комнаты. Здесь я услышала, что кто-то спускается вниз и проследовала за ним. Так я оказалась в подвале. А там была чья-то кровь! Свежая кровь, понимаете? – Я подсветила ноги, продемонстрировав перепачкавшиеся ступни.

– Мне не нравится, что ты ночами разгуливаешь по моему дому, – немного помолчав, сказал Мишель. – Ты не обманываешь?

Я снова продемонстрировала свои ноги, а заодно и грязные следы, которые вели от самой лестницы. На это Аня громко ахнула, Питер присвистнул, а Мишель согласился включить свет до выяснения обстоятельств.

Вскоре дом был освещён, и мы всей компанией спустились в вестибюль. С кухни нам навстречу вылетела недоумевающая миссис Беккер. Впрочем, мы её появлению были удивлены не меньше.

– Я проснулась и вдруг вспомнила, что забыла замочить овсянку, чтобы с утра она быстрее приготовилась. Пришлось спускаться на кухню. А почему вы все здесь? Почему зажгли свет?

– Полли уверяет, что в подвале что-то случилось, – сухо ответил Мишель и прошёл дальше.

Миссис Беккер немного повздыхала, глядя на испачканный пол, и пошла за нами. В узком подвальном коридоре нам пришлось выстроиться в цепочку по одному.

– Что это за место? – спросила я у идущего за мной Мишеля.

– Очень давно этот проход использовался как запасной выход. В случае опасности люди могли тайно покинуть пределы дома. Но, кажется, снаружи он начал осыпаться и его перекрыли.

Мы быстро упёрлись в тупик. Лужица всё ещё была там, но выглядела уже как-то не так... Мишель попросил меня отойти, а сам опустился на колени и стал изучать субстанцию. Питер, Аня и миссис Беккер выглядывали из-за моей спины, поочерёдно сыпля догадками.

– Трубы протекают, – непоколебимо сказала миссис Беккер.

– Да, ржавые трубы, вот Полли и показалось... – поддалась Аня.

– Следы-то были чёрные, больше похоже на черничный сироп, – влез Пит.

Мне не верят, это понятно. Другое дело, что сейчас эта лужа и правда не слишком похожа на кровь. Но я знаю, что именно видела.

– Это машинное масло, – заключил Мишель, отряхивая

колени. – Отработанное.

– Как оно могло здесь оказаться? – опередил меня Питер.

– Понятия не имею. Постараюсь выяснить утром, – ответил Мишель, обращаясь ко всем. – Итак, мисс Проныра, надеюсь, твоё любопытство удовлетворено? – А это уже адресовалось лично мне.

Неужели мне всё показалось? Я рада, что это не кровь, но удовлетворена ли я? Удовлетворена ли?

– Я знаю, что вы думаете, но ведь кто-то спустился сюда, а потом просто взял и растворился. И что я должна была думать, когда наступила в эту лужу?

– Полли, я думаю, что ты и правда могла видеть, как на первый этаж спустилась миссис Беккер. Но по своей природной подозрительности ты решила, что человек пошёл непременно в таинственный подвал, а не на какую-то банальную кухню. Не так ли? – Мишель скривился в усмешке, и я снова усомнилась в увиденном. Что, если всё и правда было так?

– Простите, возможно, я на самом деле немного запуталась...

Где-то за спиной очень раздражённо цыкнула миссис Беккер, а Мишель хлопнул в ладони:

– Представление окончено. Возвращайтесь в комнаты.

– Подождите, а вдруг это была Линда или Берта? – Я сделала последнюю попытку оправдать себя.

– Исключено, моя мнительная Полли, гости покинули пансионат вскоре после ужина, – улыбнулся Мишель и под-

толкнул меня к выходу.

Я пропустила его вперёд и поплелась вслед за всеми.

– В чём дело, Полли? Не отставай, сейчас я снова отключу свет.

В чём дело? Ты спрашиваешь в чём дело? Возможно, в том, что ты с такой лёгкостью лжёшь, глядя в глаза и улыбаясь? Он прекрасно знал, что я видела их в саду! Тогда почему, чёрт возьми, он сказал, что они уехали? Чтобы поиздеваться надо мной? Выставить душой? Что ж, у него это прекрасно получилось...

Мы попрощались с Мишелем и Беккер и вскоре свет снова погас. Аня и Питер застыли в коридоре, ожидая от меня вразумительного объяснения. Я вяло махнула рукой и скрылась за дверью. Возможно, утром мне захочется вернуться к событиям этой ночи. Но пока с меня довольно.

Скрипа за стеной я больше не слышала, зато с улицы доносилась какая-то возня. Я игнорировала её, подозревая, что стоит мне только выглянуть в окно – я снова попаду в неприятности.

Комната поплыла, и я поняла, что засыпаю. Я укрылась одеялом с головой и провалилась в бездонное болото кошмарных снов.

Лексон. Оставленное

Дом, в котором мальчик раньше жил с семьёй, стоял на высоком холме, оттуда можно было увидеть весь город. Здесь же в окна смотрел лишь голодный лес. Вместо городского гула под окнами гуляла тишина, разрываемая лишь тревожным птичьим щебетанием. Спустя месяц Лексон начал понемногу привыкать к этому. Привыкать к новому дому. К вялотекущим, почти неотличимым друг от друга дням. К давящему простору пустых комнат и к улыбчивому, но строгому Надду. Старик отложил визиты репетиторов до осени. А ещё он верил Лексону, что Вспышки – это не болезнь. Поэтому врач тоже не приезжал. Они были здесь только троём: ребёнок, старик и дом.

Надд просыпался с рассветом и приучал к этому Лексона. Мальчику не нравилось рано вставать: ночные сны всегда страшные, утренние – сказочные. Ему не хотелось пропускать их. Но Лексон об этом молчал. Мама ничего не хотела об этом слышать, он напрасно думал, что и Надд не захочет.

Потом они неспешно завтракали, и старик уходил заниматься своими делами, отправляя мальчика гулять в сад. После обеда они пили лимонад на террасе и поочерёдно читали друг другу вслух. Лексон всегда о весёлых приключениях и далёких странах, а Надд об исторических событиях и удивительных открытиях. Затем старик дремал в кресле и иногда

говорил с кем-то по телефону. Мальчик большую часть времени был предоставлен сам себе. Он слонялся по дому, часами листал пыльные книжки, устроившись на качелях, писал письма, которые некому было отправлять. Ужинал Лексон чаще всего в одиночестве, потому как Надд отправлялся на покой чуть начинало темнеть. Вечера Лексон любил меньше всего, потому что оставался совсем один в огромном, потерявшемся среди леса доме. Потому что вспоминал семью и прежнюю жизнь. Иногда, возможно, даже скучал по ней. Он расписывал листы своих блокнотов десятками «почему», аккуратно выводил множество знаков вопросов, а потом вглядывался в них, будто ждал, что кто-то невидимый подхватит его ручку и под каждым «почему» напишет: «А вот всё потому, малыш, слушай...» Надд запрещал вспоминать всё то, что теперь оставлено позади. Они всё знали и так. Старик, ребёнок и наполненный эхом и чужими воспоминаниями дом. Теперь их на свете только трое, а почему, в сущности, не так уж и важно.

Днём всё забывается, вечерами сложнее. Может быть, по этой причине Надд так рано засыпал – чтобы день был как можно длиннее, а ночь короче. Лексон пока так не мог. Он зажигал свет во всём доме и расхаживал по нему, представляя себя старым хозяином. Ночами он мечтал, рисовал, гулял по дому, ощупывая и изучая все его трещины и заплесневелости, которые куда-то прятались по утрам. Наружу выходить в темноте он не решался. Там голодный лес, высмат-

ривающий себе добычу невидимыми глазами. Деревьям не составит труда дотянуться до мальчика костлявыми ветвями и утянуть вглубь чащи. А там сама ночь распахнёт бездонную пасть и поглотит ребёнка. Нет-нет, уж лучше оставаться за толстыми стенами дома, там, где хотя бы все монстры из-под кровати ему хорошо знакомы. Они приехали вместе с ним, как сложенные стопочками рубашки и игрушки. Но в одном Лексон был уверен: страхи нужно приручать, как диких животных. И однажды он приручит всё, чего боится.

Этой ночью лил дождь и Лексону не хотелось ни играть, ни рисовать. Он сидел на лестнице, жевал бутерброд и смотрел на паучка, что ловко плёл свою прекрасную ловушку в углу ступени. Сегодня днём мальчик говорил с отцом. Может быть, причиной его угрюмости стало именно это, а не дождь? Он так и спросил у паучка, но тот почему-то не ответил.

– Здравствуй... Ты...ты хорошо себя чувствуешь? – По телефону голос отца казался тревожным и незнакомым.

– Здравствуй, пап. Конечно. Как твои переговоры?

– Понимаю, ты обижен, я не смог проводить тебя...

– Всё хорошо, папа. Правда. – Голос мальчика предательски дрожал, этот разговор не должен быть таким.

– Роза всё время о тебе говорит. Она нашла игрушку и... Ты правда хорошо себя чувствуешь?

– Вспышек не было. Я тоже скучаю. Так и скажи ей.

– Мария говорит, там хорошо... Я поменял машину. Пом-

нишь, она так часто меня подводила? Я взял красную...

– Красную?

– И большую. Мы все в неё влезем. И однажды соберёмся навестить тебя. Здорово, да?

Лексон промолчал. Он знал, что этому не бывать.

– Ты хорошо спишь?

– Да. Надд говорит, что свежий воздух идёт мне на пользу.

– Врач тоже твердил, что он тебе необходим. Значит, мигрени...

– Пока не было. Надд зажигает для меня лавандовые благовония. Мне сначала не нравилось, но они помогают.

– Я рад.

– Мне пора. Мы идём к озеру.

– Будь осторожен. Я люблю тебя. Мама тоже. Она простила тебя, правда. Она тебя простила...

– Пока, пап.

– До скорого, сынок.

Днём всё забывается, вечерами сложнее. Сейчас, слушая унылую песню дождя и дожёвывая бутерброд, Лексон отчётливо представлял, как после их разговора отец одобрительно кивнул нетерпеливо ёрзающей на соседнем кресле матери, а та кивнула какой-нибудь служанке, и рабочие принялись выносить мебель из его старой комнаты.

Надд всё время повторяет, что оставленное позади должно оставаться там, а не ползти за тобой, как голодная дворняга. Теперь Лексон начинал понимать смысл этих слов. По-

следний разговор с отцом получился каким-то нелепым и обрывистым. На то он и последний. Прощальный.

– А знаешь, – Лексон снова обратился к паучку, – они так и не поняли, но тогда я сделал это специально. Я сделал это ради Розы. Это мой самый большой подарок для неё. Понимаешь?

Паук, смущённый таким вниманием, быстро зашевелил лапками и уполз в самый угол, где затаится в ожидании жертвы.

– Интересно, разозлится ли Надд, когда узнает, что ночами я брожу по дому?

Мальчик вздохнул, проглотил последний кусочек бутерброда, и отправился спать, чтобы ненароком не выяснить это. Уходя, ночь заберёт с собой дождь и кошмарные сновидения Лексона. Утро захватит с собой туман и первый день августа.

Глава 2. Когда лес многоликий, когда луна полная

И ты шагнула в безумия пасть. Шагнула не глядя. Шагнула, чтобы пропасть.

За завтраком все молчали и украдкой пялились на меня. Ночью Мишель выставил меня перед всеми мнительной дурочкой. Поэтому ничего удивительного. Может, я и чересчур мнительная, но не идиотка. И уж точно не псих. Я своими глазами видела и кровь, и гостей в саду ночью. Про миссис Беккер молчу, но почему Питер и Аня ведут себя как ни в чём не бывало? Или это то, о чём говорил Питер? Сначала всё здесь кажется странным, но потом привыкаешь?

Привыкаешь... Значит, теряешь бдительность, расслабляешься. Грозит ли мне это?

Когда миссис Беккер дала всем задания на день и ушла к себе, сетуя на плохое самочувствие, я рассказала ребятам, что видела Линду и Берту ночью в окне. Как и ожидала, они этот факт не нашли ни интересным, ни подозрительным.

– Подумаешь, оговорился, что они после ужина уехали. – Питер слизнул с рукава белой рубашки соус. На месте капельки кетчупа образовалось намокшее от слюней пятно.

– Нет, это была не оговорка! Кто-то из вас слышал, как за ними приезжал водитель? – Они переглянулись. – Вот и

я нет. Сомневаюсь, чтобы женщины в платьях и на каблуках пошли куда-то через лес. Где они в таком случае? С утра я заглядывала в их комнаты. Примятая постель – всё, что от них осталось.

– Чёрт, это я виноват. Ты слишком серьёзно восприняла мои слова. – Пит шутливо покрутил вилкой у виска. – Сегодня приедет Бран, у него и спросишь, увозил он их или нет.

– Бран?

– Водитель, помнишь? Он заберёт список покупок.

– Ты чёртов гений!

Я вылетела с кухни, оставив Питера в радостном недоумении, и побежала наверх. Если сегодня день покупок, стоило заказать побольше батареек для фонарика. Ночи здесь длинные. И очень тёмные.

Однако добежать до кабинета Мишеля получилось не сразу. На лестнице я столкнулась с миссис Беккер. Нечаянной наша встреча не выглядела. Женщина стояла на середине лестницы, словно манекенщица, демонстрирующая наряд. Последний писк похоронной моды.

– Если тебя мучает бессонница, подойди вечером, я дам тебе лекарство, – словно невзначай обронила она. Но я знала, что женщина караулила меня, чтобы сказать это.

– А без этого у вас не засыпают?

– А почему бы тебе не подыскать работу, где твоя дерзость будет к месту?

– Что вы хотите сказать?

– Что ты у нас всего пару дней, а уже поставила весь дом на уши. По-твоему, это прилично следить ночью за людьми?

– Извините, я лишь хотела узнать источник шума. Он мешал мне спать. Что-то скрипит в запертой комнате. Из коридора и комнаты Ани ничего не слышно. Может, вы поможете мне разобраться?

Глаза женщины округлились. Через макияж и природную красоту стал проглядывать истинный возраст Беккер. Она быстро совладала с накотившимся испугом и снова стала свежей и невозмутимой.

– Полли, ты помнишь наш разговор? Уверена, помнишь. Сейчас Мишель ведёт себя спокойно и рассудительно, но так будет не всегда. Однажды это выльется...

– Давайте сойдёмся на том, что я пообещаю больше не действовать вам на нервы и не испытывать терпение Мишеля?

– Знаешь, Полли, я действительно желаю тебе добра.

– Охотно верю, миссис Беккер.

Женщина тяжело вздохнула, поднялась наверх и скрылась в своей спальне. Что она хотела этим сказать? Что однажды *выльется*

Я ещё немного постояла на месте, перебарывая навалившуюся усталость, и тоже пошла наверх. Свернув в правую арку, я снова почувствовала лавандовый дымок. Ничего не имею против лаванды и благовоний, но в такой концентрации это вызывало лёгкую удушливость и головокружение.

Может, я ассоциировала это с временами, когда бабушка окуривала дом, прогоняя злых духов. Злой дух там был только один...

У кабинета меня ждала ещё одна нечаянная встреча. Мишель распахнул дверь как раз в тот момент, когда я сама собиралась открыть её и войти. Так и не почувствовав опоры, я повалилась вперёд и налетела на управляющего. Мой рост не дал нам стукнуться лбами, поэтому я просто врезалась в его грудь и чуть не упала, отлетев назад.

– И всё-таки человек всегда будет в плену своих маленьких ритуалов, – в полуулыбке сказал он. – Твоя губа только начала заживать.

– Я иногда и грациозной бываю. – Я облизнула губу, чтобы проверить, не содралась ли короста.

– Не поверю, даже не надейся. Ты что-то хотела?

– Да...

– Что на этот раз? Утопленник в ванной? Висельник в шкафу?

– Нет, – криво улыбнулась я, отметив его исключительное чувство юмора, – мне просто нужны батарейки для фонарика. Закажите их для меня.

– Большие планы, мисс Проныра?

– Люблю читать ночами.

– Я так и подумал...

– Так во сколько приедет Бран?

– Я не забуду про твой заказ, не волнуйся. Лучше окажи

мне маленькую услугу. Я оставил в саду очки. Скорее всего, они на каменной скамейке.

Какое облегчение, я-то боялась, что они слетели с него во время моего налёта. Без очков Мишель выглядел совсем юным. Наверное, это из-за очень светлых, больших глаз. Остальные черты лица были острыми: тонкий нос, впалые скулы, чётко очерченные губы.

– Хорошо. Я принесу их.

В саду чудесно. Свежо. Светло. Просторно. Небо прозрачное, ни одного облачка. Воздух тёплый, пряный. Макушка ласкового, тёплого лета.

Я присела на скамейку, вслушиваясь и всматриваясь в шелестящий лес. Он был совсем рядом – протяни руку и потрогай: шершавый, многоликий, бесконечный. Добрый старый мудрец и притаившийся в ожидании ночи маньяк.

Каменная скамейка всегда стоит в тени, поэтому от неё веет прохладой. На ней тоскующие без хозяина очки и книга, скрывающая своё название в безликой чёрной обложке. Позади старый особняк укоризненно смотрит на меня закупоренными окнами. За одним из них – Мишель. Он тоже смотрит сюда и наверняка спрашивает себя: «Какого чёрта она всё ещё там сидит?» И ведь и правда – какого чёрта? Пора бы уходить, но отчего-то тело не слушается. Магическое местечко, честное слово. Мечта художников и поэтов.

Я сделала немалое усилие и всё же вскочила на ноги. Интересно, книгу тоже стоит захватить? Я взяла её в руки и

неволью открыла на странице с загнутым уголком. Глаза забегали по строчкам, жадно выхватывая каждое слово.

«Иногда я устаю. В такие дни я чувствую себя особенно опустошённым. Тяжело заставить себя делать что-либо в такие моменты. Я знаю, что этому не будет конца. И терять мне больше нечего. Для меня уже давно ничего не значит ни моя, ничья другая жизнь. Она проснулась. У меня много работы. Пожалуйста, пусть всё это закончится».

Неприлично так бесцеремонно подглядывать в чужие книги. Но её страницы такие засаленные и мятые, что стоит сделать вывод, будто это любимое, зачитанное до дыр произведение. Настольная книга. Карманный справочник. А уж по таким вещам можно многое сказать об их владельцах. Я отогнула обложку, чтобы увидеть название и имя автора, но переплёта у этой книги не оказалось. Что ж...

В кабинете никого не было. Я положила книгу и очки на стол, а сама поспешила выйти, пока приступ нечеловеческого любопытства не взял надо мной верх. И правильно сделала, потому что в дверях снова столкнулась с Мишелем. Он почему-то улыбался и щёлкал костяшками пальцев.

– На скамейке ещё лежала книга. Её я тоже принесла. Всё на столе.

– Спасибо, мисс Марш.

– Вы уже выяснили, что за масло было в подвале?

– Занятная штука, оказывается, сверху стоял небольшой механизм, который когда-то открывал проход через туннель.

Думаю, оно оттуда и накапало, – небрежно ответил он.

– Это было не масло, когда я...

Он мягко отодвинул меня в сторону, освободив себе проход, и зашёл в кабинет.

Плевать он хотел, поверила я ему или нет.

Но я поверила. Поверила, что есть какой-то секретный, давно неиспользуемый проход. Но где доказательство, что проход не ведёт в какую-нибудь подземную темницу, где он прячет своих несчастных гостей?

Водитель Бран заявился сразу после ужина. Питер проводил его к Мишелю, который пил чай в кресле у камина, и тот нехотя устроился напротив. Я крутилась в вестибюле, старательно делая вид, что начищаю пол и украдкой поглядывала на «таинство передачи списка покупок».

– Отчего ты так хмур, друг мой? – с явной издёвкой ухмылялся Мишель.

Бран, коренастый мужчина с седеющей бородой и в безразмерных лохмотьях, неуклюже горбился в кресле и с нескрываемой ненавистью пялился на Мишеля.

– Мне обязательно приезжать сюда каждый раз? Разве нельзя передавать мне список по телефону? Деньги я мог бы забирать, привозя покупки. Зачем мне мотаться туда-сюда? – И без того низкий голос водителя казался грубее обычного.

– Потому что я хочу чаще видеть своего старого друга. Да и потом, я ведь тебе плачу за это, – всё так же забавлялся

Мишель.

– Издеваешься над стариком? – сплюнул Бран. Он угрожающе ударил кулаком по подлокотнику и вскочил на ноги. Мишель же продолжил расслаблено сидеть в кресле, заливаясь неприятным смехом.

– Совсем нервы ни к чёрту, старичок? Успокойся, в твоём возрасте это чревато. Расскажи лучше, как поживает твоя семья?

– Да какое твоё дело, как живёт моя семья?!

– Зачем же так грубо? Ты знал, к чему всё идёт. Всякий договор имеет свой срок. Твои истерики выглядят дешёво.

– А не заткнуться ли тебе? Имеет человек право выйти из себя? Имеет, я спрашиваю?!

Бран грозно склонился над таким хрупким на его фоне Мишелем, и я испугалась, что он сейчас выбьет из него весь дух.

– Я начинаю раздражаться. Отойди от моего лица, ты дурно пахнешь.

– Знал бы ты, как сильно смердишь сам! – прорычал водитель, но всё же сел в кресло.

– Так-то лучше.

– Уже совсем темно. Дай мне чёртов список, не заставляй задерживаться здесь. – Тут Бран посмотрел в мою сторону, на секунду мы встретились взглядами. Он словно попытался передать мне телепатически: «И ты не задерживайся здесь».

Мишель снял очки и устало протёр глаза.

– Хорошо, если так желаешь, буду всё передавать тебе по телефону. Кстати, напomini, как зовут твою жену? Вдруг она возьмёт трубку. И ещё дочь... Ава, кажется? И внук... Нет, не припомню.

– Ах ты сукин сын! – затрясся в гневе Бран.

Он отшвырнул кресло в сторону и намеривался схватиться за кофейный столик, но Мишель тоже поднялся на ноги и перегородил ему путь. На шум прибежал Питер и откуда-то появилась миссис Беккер. Она предусмотрительно ухватила Пита за рукав, не пустив в гостиную.

– Но он же сейчас размажет Мишеля по стенке! – возразил парень.

– Он и правда не в себе, – согласилась я.

– Лучше нам не вмешиваться, – непоколебимо покачала головой Беккер.

Пока Мишель безучастно протирал очки, Бран носился по комнате, переворачивая мебель и страшно чертыхаясь. Вскоре буян добрался до настенных картин и зеркал. От звона бьющегося стекла заложило уши. Подоспевшая Аня подала побледневшей миссис Беккер какую-то пилюлю и увела на кухню.

Мы с Питером растерянно пожимали плечами, тайком заглядывая в гостиную. Больше всего поражало невообразимое спокойствие Мишеля. Хотя его тактика была понятна: физически усмирить громадного Брана он не мог, оставалось ждать, пока приступ бешенства закончится.

Разгромив комнату до неузнаваемости, Бран выдохся и завалился на пол, обхватив голову руками. Пит облегчённо выдохнул. У меня радости было меньше – теперь кому-то придётся всё это убирать.

– Надеюсь, полегчало?

– За что ты так со мной? Скажи... – тихо простонал Бран.

– Не скули, – с отвращением бросил Мишель. Он оценивающе прошёлся по комнате и позвал нас с Питером. – Посмотрите, сколько у вас появилось работы! – радостно сообщил он.

Бран стал кататься по полу. Выглядел он чудовищно жалким:

– Ты обещал! Обещал!

– Замолчи, ты достаточно натворил.

– Что вы с ним сделали?! – Во мне закипела нешуточная ненависть. Мишель, поганый стервятник, он же сам довёл Брана до срыва.

Питер толкнул меня локтем, а Мишель сделал вид, что не услышал, хотя я почти кричала.

– Где миссис Беккер?

– Она на кухне. Ей, кажется, дурно стало, – ответил Пит.

Мишель побледнел и помчался на кухню. Питер счёл своим долгом сопроводить его.

Водитель всё ещё сидел на полу и, судя по отсутствующему взгляду, вставать пока не собирался. Каким бы неприятным человеком он ни казался, сейчас мне было жаль его.

Убогий, несчастный, озлобленный. Неужели Мишель приложил к этому руку?

Я тоже направилась на кухню, взять воды для водителя. В парадную дверь постучали. Поздние визитёры, как и ночные звонки, не сулят ничего хорошего. Но это могли быть новые постояльцы. Так как я не выводила миссис Беккер из предобморочного состояния вместе с остальными и не валялась в беспамятстве рядом с водителем – я открыла.

На пороге стоял взъерошенный, низкорослый мужчина в костюме с небрежно завязанным галстуком. Взгляд его был ещё более диким и вымученным, чем у Брана.

– Добрый вечер, подождите у порога, пока я позову... Ай!

Мужчину такой расклад не устроил. Он грубо отпихнул меня в сторону. Я больно ударилась затылком, налетев на дверной косяк, а он беспрепятственно зашёл внутрь. Слова моего негодования обрушились ему на спину вместе с корзиной для зонтов, которую я нащупала на полу. Разумеется, его это не остановило. Он вынул что-то из кармана потрёпанного пиджака и устрашающе потряс. Я вжалась в стену, не желая проверять, настоящий это пистолет или нет.

– Где он?! – прорычал мужчина, заглядывая в гостиную.

Наверное, его очень огорчило, что сегодня он оказался не единственным буйном в этом доме, поэтому он не стал заходить в комнату, а снова двинул на меня.

– Где этот ублюдок?!

– Который? – как-то по-идиотски комично вырвалось у

меня.

– Король этого адского рассадника! – Он подошёл ближе, выпучив красные глаза. Отчаянием от него веяло даже сильнее, чем алкоголем.

«Король» не заставил себя долго ждать. Мишель появился из правой арки с неестественным для него топотом. Выглядел он страшно злым.

– В чём дело, Полли? Сложно запомнить, что посторонних нельзя впускать в пансионат? – Его злость почему-то адресовалась мне.

– Ублюдок! Я тебя в порошок сотру! – Нежданный визитёр тут же переключился на Мишеля. Он вцепился в воротник белоснежной рубашки, до которого, кстати, едва доставал, и принялся яростно трясти.

Мишель легко отшвырнул его от себя, не подозревая, что опасности в этом человеке больше, чем может показаться.

– У него пистолет! – выкрикнула я и сползла на пол.

Мужчина будто и сам только вспомнил об этом. Он попятился к стенке, вынул оружие и нацелился на Мишеля.

– Я знаю, это всё из-за тебя, подонок! Ты тоже сдохнешь! Сдохнешь!

Человек тяжело дышал, почти задыхался и без конца подтирал рукавом слёзы. Он страшно дрожал. Мне до конца не верилось, что он выстрелит, но я всё равно заткнула уши.

Из гостиной выскочил Бран. Он кинулся к налётчику и легко, словно дрался с ребёнком, выхватил у него писто-

лет и заломил руки. Глаза Брана наполнились ясностью, к нему вернулось чувство реальности. Чего нельзя сказать о горе-налётчике, он всё ещё сопротивлялся, дрыгал ногами и страшно завывал.

– Я рассказал тебе всё, что знал сам. – Мишель склонился над удерживаемым Браном визитёром. – Если ты ещё раз рискнёшь заявиться сюда, плохо кончишь, приятель. – Он выпрямился и отошёл в сторону. – Бран, друг, будь добр...

– Не беспокойся, Мишель, я о нём позабочусь, – с преданностью старого пса заявил Бран.

– Вот и славно. Славно.

Рядом с Мишелем возникла всё ещё бледная миссис Беккер и жестом позвала за собой на кухню. Когда они ушли, я увидела притихших за аркой Аню и Питера. Судя по их лицам, они ошалели от происходящего не меньше меня.

Бран поднял на ноги своего пленника и повёл к выходу. Я тоже встала и открыла им дверь. К этому времени мужчина смирился со своим поражением и покидал дом уже молча. Он смотрел на меня с горькой тоской и покачивал головой.

– Идём, Полли, хватит на сегодня. – Голос Питера доносился до меня как с другой планеты, так далеко я вдруг оказалась. Я вышла на крыльцо. Бран вёл по дорожке сломленного, несчастного человека, потерявшего в этих стенах что-то важное. Я смотрела им вслед и не могла вспомнить, о чём хотела поговорить с водителем. Всё как-то неправильно...

Я догнала их уже у ворот. Бран открыл пассажирскую

дверь, чтобы усадить туда мужчину.

– Чего тебе? – рявкнул Бран.

– Кто этот человек?

– Какой-то сумасшедший, очевидно же. – Я усмехнулась про себя, но не стала напоминать Брану о его недавнем помутнении.

– Что вы с ним будете делать?

– Сдам в полицию или посажу на поезд, он не местный. – Он грубо швырнул бедолагу в машину.

– Вы знаете, почему он хотел убить Мишеля?

– Не твоё это дело, девочка.

– Мишель ведь и вам сделал что-то плохое, да? Почему вы помогаете ему? – Бран зло покосился на меня, сплюнул и открыл водительскую дверь. – Тогда ответьте, вы увозили обратно Линду и Берту?

Мужчина на заднем сидение вдруг снова оживился и принялся стучать кулаками по стеклу. Бран сел в машину и утихомирил его слабой пощёчиной. Напоследок водитель наградил меня тяжёлым взглядом и что-то сказал. Думаю, что сказал. Из-за густой бороды движения губ могли показаться.

Меня разрывало от злости и досады. Зачем я только ввязалась в это? Где моя пронизательность, когда она так нужна? Что тут, чёрт побери, происходит? Вопросы сыпались на меня безжалостным камнепадом, оглушая и набивая здоровенные шишки. Я стояла у ворот и тихонько умирала под их натиском.

Ещё пару дней назад я была уверена, что у меня было слишком много причин отправиться сюда. Сейчас, смотря на темнеющий в синих летних сумерках силуэт дома, я думала, а была ли хоть одна из этих причин настоящей?

Настоящей...

– Ты куда пропала? – на крыльцо вышел Питер.

– Нужно было подышать воздухом. Где все?

– Миссис Беккер отправилась к себе. Мишель и Аня начали разгребать гостиную. Нам, наверное, надо помочь им.

– А это не подождёт до завтра?

– Не знаю. Честно говоря, я тоже не хочу этим заниматься. Натворил дел, значит, а потом скрутил этого психа и умчал с чистой совестью. А нам убирать за ним! – Пит не выглядел злым. Скорее, он казался милым, обидевшимся ребёнком.

– Как думаешь, почему это случилось?

– Ты про Брана или про второго?

– Да про обоих.

Парень задумчиво почесал ухо, пошарил по пустым карманам, выдав в себе бывшего курильщика, и сказал:

– Полнолуние. Говорят, оно как-то активизирует психов и шизофреников.

Я усмехнулась, искренне умиляясь способности Питера иногда объяснять всё как-то по-детски просто и самому в это верить.

– Да, возможно, ты прав. – Я хлопнула его по плечу, и мы зашли в дом.

Мишель без особой досады подсчитал причинённый ущерб. А мы собрали все крупные осколки. Остальное было решено оставить на завтра.

– Я, наверное, не усну, – досадно вздохнула Аня, когда мы поднялись на второй этаж и попрощались с Мишелем.

Я тут же вспомнила, что пансионат оживится после отключения света, и тоже приуныла, предвкушая бессонную ночь.

– А я в полнолуния вообще плохо сплю, – признался Питер. – Может, в карты поиграем?

– Наверное, мы никому не помешаем, если немного посидим в чьей-нибудь комнате. Полли, ты как? – Аня поддержала затею.

– Я не против. Только давайте не ко мне.

Я приняла душ, переоделась и вскоре постучалась к Питеру. Аня к этому времени уже была там. Она что-то мечтательно разглядывала в окне и теребила пуговицу на малиновой блузке. Питер сидел на кровати по-турецки и вертел в руках гадальные карты, украдкой заглядываясь на профиль девушки. И я его прекрасно понимала – Аня выглядела как большая фарфоровая кукла, струящийся лунный свет добавлял её облику магического очарования.

– Почему вы уже при свечах? Ведь ещё не полночь. – Я шагнула в комнату и невольно прогнала из неё какую-то таинственную романтическую ауру.

– Решили заранее, чтобы не отвлекаться, когда свет погас-

нет, – тут же оживились ребята.

Жилище Питера оказалось удивительно уютным. А самое удивительное, что этот уют создавал царящий там беспорядок. Разворошённая постель, навешанная на спинки стульев одежда, гора журналов и пустых кружек, липкий от пролитого чая пол. Ничего такого нельзя увидеть в других частях пансионата, поэтому складывалось впечатление, что эта комната существует сама по себе, хоть и является частью дома.

– И как тебе от миссис Беккер не попадает? – Я сдвинула кучу какого-то хлама в сторону и уселась в кресло. Кресло разразилось жутким завыванием электронной гитары и женскими воплями, призывающими «Любить мир, несмотря ни на что». Я в ужасе вскочила, а Питер, еле сдерживая смех, выключил магнитофон.

– Она не заходит сюда, – пояснил он. – Считает, что настоящая леди не должна заходить в мужскую спальню.

– Ты даже не представляешь, как тебе повезло. За мной она даже постель поправляет. Противно, честное слово.

Аня понимающе вздохнула и села на стул, предварительно осмотрев его. Дальше мы попробовали поиграть – игра не пошла. Тогда Питер предложил предсказать кому-нибудь будущее. Я, естественно, отказалась. Мне бы с прошлым разобраться. А вот Аня очень заинтересовалась необычным для парня увлечением и согласилась стать подопытной. Питер признался, что гадальные карты нашёл случайно у брата и изначально планировал просто подурочиться, но чем дальше

– тем сильнее его увлекало это занятие.

– Так что не смейтесь – я ещё учусь.

– Не скромничай, юная ведьмочка, – хихикнула я. – Провидица мадам Питер!

Аня, спрятав лицо за кудряшками, тоже засмеялась.

– Эх, девушки, весь настрой сбили. В такой атмосфере гадать нельзя, – кисло улыбнулся Питер. Он убрал карты в комод и обиженно взгромоздился на подоконник. Его окно смотрело на подъездную дорожку. – Надо бы в город выбраться. Тут позеленеть от скуки можно. Как Мишель тут живёт без телека, музыки и видеоигр? Чудак...

– Видимо, придумал себе другое развлечение. – Я всё не могла выбросить из головы мысли о темнице с пленниками.

– Не начинай, По, – нахмурился Питер.

– Полли, парень. Меня зовут Полли.

– Как скажешь... А хотите, расскажу страшную историю? – спросил он, нацепив на себя идиотскую ухмылку, с какой рассказывают страшилки в детских лагерях.

– А стоит ли? За окном полная луна, психи обивают пороги, а в коридорах гуляет тьма. Кому-то ещё не страшно?

– Это местная легенда. Я её в одном пабе подслушал.

– Я очень люблю разные истории! – восторженно заявила Аня, устраиваясь поудобнее.

– Слушайте, – зловещим шёпотом начал Пит. – Когда-то город Сайленс Валлей был процветающей деревушкой, известной на всю округу своей ежегодной Ярмаркой Талантов.

Палатки с талантами были доступны всем, кто мог заплатить за желаемое звонкой монетой. Но были и палатки, спрятанные от глаз посторонних. В них торговали тем, что стоит намного дороже денег: талантами, что граничили с проклятьями. Туда заглядывали знатные маги, колдуны и ведьмы. Както на такую ярмарку прибыл новоиспечённый принц из соседнего королевства. Он был настолько безобразно бездарен, что вокруг перешёптывались, будто он скупит всю ярмарку. Он долго бродил между палаток, приценивался, изучал. И каждый раз капризно заявлял, что это ерунда какая-то, а не талант. И тогда кто-то из прохожих предложил ему прогуляться до неприметной лавки на краю площади. Принц зло усмехнулся, но всё же пошёл на разведку. Внутри его встретил старик, одетый в нищенские лохмотья. «Что желаете приобрести?» – спросили принца. Он расхохотался и сказал, что такой простак не способен заинтересовать его своим товаром. Старик хитро улыбнулся и сказал: «Я знаю, что вы ищите, принц. Вам нужен талант, помогающий узнавать дату смерти». «Это так, я хочу знать, когда умрёт старый король и трон перейдёт мне» – подтвердил принц. Старик развёл руками и продал ему свой товар, предупредив, что цена за него чудовищно высокая. Вот только старик обманул самодовольного принца. Вместо таланта он продал ему грех. А грехи иногда искупаются кровью...

– Ну и что тут страшного? – усмехнулась я.

– Поговаривают, что колдун наказывал тех, кто хотел

знать больше положенного и одаривал грехами. Получив желаемое, человек обращался в дикого зверя и сбегал в леса. Ночами эти пожиратели грехов выходили из леса и охотились на местных жителей, веря, что так снова превратятся в людей.

– И всё равно не страшно, – махнула рукой я.

– У местных много пугающих сказок, – сказала Аня, водя ладонью над свечой. – Когда-то было обычным делом поутру обнаружить растерзанное тело соседа или домочадца. А если кто-то пропадал, никто не сомневался, что его найдут мёртвым в лесу. Так и зародилась эта сказка.

– Может, это всего лишь глупая страшилка, но мне кажется, что я однажды видел его. – Помрачнел Пит.

– Кого?

– Этого, грешного... В ту ночь я выбрался из дома, чтобы покурить. Устроился на каменной скамейке и уже прикурил сигарету, как увидел в чаще два горящих глаза. Я даже не заметил, как добежал до комнаты, так испугался. С тех пор не курю. И ночами на улицу не выползаю.

– Мудрое решение. – Хоть я и не особо верила в эту историю, приятно было думать, что стены дома толстые и прочные.

Мы ещё немного подурачились, рассказывая друг другу глупые истории, потом перешли на шёпот, говоря уже о чём-то более серьёзном, но всё равно пустяковом. И уснули уже ближе к рассвету, так же, как и сидели: я в кресле, Питер

на полу, а Аня на кровати. Всё правильно. Такую лунную, сводящую с ума психов ночь нельзя пережить в одиночестве. Интересно, удалось ли уснуть Мишелю? Дом этой ночью молчал. Он зализывал полученные раны.

Глава 3. Ил утянет...

Через пару дней в пансионат заселилась милая пожилая пара. Билл и Оливия Ллойд. Приветливые, упитанные, хорошо одетые и малость чудные. Они с непостижимым аппетитом уплетали всё, что готовила миссис Беккер, оттапливая тем самым её ледяное сердце. Целыми днями играли в шахматы на террасе или, взявшись за руки, гуляли в саду, предаваясь воспоминаниям о былых временах. Мишель, что странно, вёл себя с ними очень холодно и даже грубовато. Думаю, это всё из-за жизнерадостности и улыбочивости суругов. Ничего общего с холодными улыбками Мишеля, которые больше напоминали оскал. И, скорее всего, в кругу такой искренности ему становилось жутко неуютно, и он, чтобы случайно не показать свою подлинную натуру, старался держаться обособленно. Впрочем, это никого особо не огорчало. А меня больше всего радовало, что по прошествии двух дней гости никуда не исчезли.

– Доброе утро, мистер Ллойд.

– Доброе утро, девушки.

– Вы что-то ищете?

Мы с Аней направлялись на завтрак и столкнулись с Биллом. Он стоял посреди коридора, как старый потерявшийся пёс, и просто ждал, когда его найдут.

– Да, кабинет Мишеля. Клянусь, вчера он был где-то

здесь! – Он завёл большие пальцы за подтяжки и оттянул их.

– Вы всё перепутали. Его кабинет в том же крыле, что и ваша комната.

– Как странно... Видимо, моя жена права – я старая развалина!

Билл печально улыбнулся и достал из нагрудного кармашка маленькую расчёску. Не найдя ей применения, убрал обратно и досадно провёл ладонью по блестящей лысине.

– Какая наглая ложь! – звонко цыкнула Оливия, направляясь к нам. Она очень медленно ходила из-за проблем с суставами и лишнего веса, который, возможно, и привёл к первой проблеме. – Я говорю: «Любимая старая развалина»!

Они оба засмеялись, Билл поцеловал Оливию в пухлую щёку и что-то шепнул на ухо. Мы переглянулись и протиснулись мимо них.

– Постойте, Полли, а в какой комнате вы проживаете?

– Почему вы спрашиваете, миссис Ллойд?

– Мы хотели сделать вам небольшой презент за вашу любезность.

– Это вовсе не обязательно, – отмахнулась я.

Аня мягко подтолкнула меня вперёд и шёпотом спросила, не забыла ли я, что нельзя говорить с гостями.

– Нет-нет, это не обсуждается! Мишеля сложно назвать гостеприимным хозяином, зато вы очень милая и внимательная особа.

– Накануне у нас произошёл инцидент, Мишель всё ещё

в небольшом потрясении. Обычно он гораздо внимательнее к своим гостям. – Аня ткнула меня локтем в бок, из последних сил сдерживая смех. Я и сама не ожидала, что ляпну такое.

– Простите, но сейчас нам очень важно оказаться на кухне. – Наконец Аня взяла ситуацию под свой контроль и увела меня от старичков.

– Спасибо, я твоя должница.

– Не нужно тебе разговаривать с гостями. Особенно с ними, ладно?

– Особенно?

– Мишелю не нравится это.

– Как можно следовать его идиотским правилам? Они же совершенно абсурдные! – На этих словах я снова чуть не споткнулась на той же ступеньке. Дом защищает своего хозяина. – Наверное, он меня выгонит...

– Если даже миссис Беккер не удалось настроить его против тебя, будь уверена, ты в безопасности.

– Подожди, ты о чём?

Аня игриво улыбнулась, затем резко сделалась мрачной и легко сбежала вниз. Я только и видела, как её кудряшки прыгают вверх-вниз, вниз-вверх... Она не ответила мне.

Днём приезжал Бран. Задерживаться он снова не стал, только выгрузил покупки, получил свою оплату и сразу же умчался обратно. Мне удалось переброситься с ним парой фраз, пока он протирал фары от пыли и налипших насеко-

мых. Вытягивать пришлось буквально по слову, но я выяснила, что недавнего налётчика он посадил на поезд, конфисковав перед этим пистолет. Если верить словам Брана, мотивы этого человека ему неизвестны. Я, конечно, не верила. Он покрывает Мишеля. Эти двое совершенно точно друг друга стоят. Интересно, что за странный сговор их всё-таки связывает?

И имя Бри ему тоже не знакомо...

После его отъезда я направилась к себе и снова наткнулась на беспомощно чешущего затылок Билла. Он снова тыкался от двери к двери, разыскивая кабинет Мишеля. А я снова объяснила, что он находится в другом крыле, и сообщила, что сейчас управляющего можно найти внизу. Затем опять появилась его жена, и мне пришлось изворачиваться от их комплиментов и намерений одарить чем-то ценным.

После ужина я собрала оставшуюся еду и вышла в сад. Вчера ночью я видела в окне пса. Бродячие псы живут стаями, а он был один. Значит, потеряшка. Хотя Сайленс Валлей, ближайший населённый пункт, находится в часе езды отсюда и сложно представить, чтобы собака просто заблудилась и ушла так далеко от дома. Но так или иначе, бедняга был страшно голоден. Он жадно вылизал все крошки со стола в беседке и там же устроился на ночлег, спасаясь от пронизывающего до костей ливня. Беснующиеся потоки воды, словно живые, колотились в моё окно, грозясь проникнуть внутрь и сделать что-то очень нехорошее. Из-за такого шума

проклятого скрипа совсем не было слышно. Поэтому непогоде я была рада. Но спалось всё равно плохо – несчастный пёс никак не выходил из головы. Сегодня днём он не показывался. Возможно, убежал дальше или спрятался в лесу, испугавшись людей. Я поставила под каменную скамейку миску с едой на случай, если он вернётся.

Сегодня было пасмурно и очень душно. Такая вязкая, почти осязаемая духота. Небо хмурое, заплаканное. Земля тоже. Безветренно. В воздухе пахло сырой землёй и хвоей. Окна пансионата запотели, и кто-то уже успел нарисовать на кухонном окне сердечко. Ночью снова будет дождь.

– Как легко дышится после дождя!

Ко мне на скамейку подсели мистер и миссис Ллойд. Они оба были запыхавшимися и раскрасневшимися. Вечерами они практикуют спортивную ходьбу.

– Да, просто чудесно. Наслаждайтесь, а мне уже пора... – Я протолкнула миску под скамейку и поспешила подняться.

– Пойдите, Полли, разве вы не составите нам компанию?

– Нет, у нас с этим строго.

– Почему? Ведь рабочий день закончился?

– Мы никак не закончим убирать гостиную...

– Я поняла. Тебе не хочется разговаривать с какими-то надоедливymi стариками, – театрально погрузилась Оливия.

– Олив, пирожок, она же сейчас поверит, что ты всерьёз! – Билл потрепал жену за плечо. – Не подумай ничего плохого, просто ты очень напомнила нашу внучку...

– Да, конечно, – нелепо улыбнулась я. Пожилым людям вечно чудится, что ты похож на их внука, дочь, брата, школьную любовь...

– Вот скажи, детка, для кого ты поставила миску? Кого ты подкармливаешь?

– Всего лишь маленькая собачка, возможно, она и не появится больше. И всё же...

– А каждый ли зверь хочет быть накормленным? – спросил Билл.

– Что за вопрос? Конечно!

– Что бы это ни значило?

– Я вас не понимаю.

– Мой муж хочет сказать, что, кормя зверя, – ты делаешь его зависимым от себя.

– И так ли уж это плохо?

– Знаешь, Полли, преданность хозяину и зависимость от него не одно и то же. – Что-то в глазах Билла мне не нравилось. Слишком тёмные – не понять, где заканчивается зрачок и начинается радужка.

Я промолчала и задвинула миску ещё дальше. Забавно всё-таки, как иногда даже самые благие намерения можно истолковать, как злостный умысел.

– Не обижайся на мужа, детка, завтра он даже не вспомнит этот разговор.

– Всё хорошо. Но мне правда пора.

– Так можно ли подарить тебе одну вещь? Не спеши от-

казываться, лучше погляди на неё. Билл немного пошарил во внутреннем кармане ветровки и вынул чёрный бархатный мешочек. Оливия аккуратно развязала его пухлыми пальцами, вытряхнула содержимое на ладонь и протянула мне, демонстрируя заколку для волос в виде чёрной лилии. В сердцевине цветка сиял невероятно красивый чёрный опал. Изумрудно-голубые искорки напоминали звёзды на ночном небе или глубинный космос. Непостижимая маленькая вселенная внутри крошечного кусочка камня.

– Нравится?

Я восторженно повертела заколку в руках, сама толком не понимая, как она там оказалась.

– Очень красиво! Должно быть, дорогая штукавина?

– А то! – подмигнула Оливия. – Но для нас она дорога по-другому, понимаешь?

– Понимаю, – поникла я. – Она принадлежала вашей внучке? С ней что-то случилось?

– Да, Полли, это её заколка. И она ей очень шла. И тебе пойдёт. Мы хотим, чтобы ты сохранила её у себя.

– Я не могу, это очень дорогой подарок. – Я протянула заколку обратно, но Оливия закрыла мою ладонь своей и слегка потрясла.

– Детка, Кара ушла из этого мира, забрав с собой смысл нашего существования. Время понемногу вымывает из наших воспоминаний черты её лица, её голос, смех. Но не нашу боль. Боль всё так же сильна, как в тот час... Эта заколка

почти всё, что осталось от неё.

– Тогда почему...

– Полли, мы уже старые. Когда нас не станет, исчезнут последние воспоминания о нашей чудесной девочке. Словно её никогда здесь и не было. Но ты так на неё похожа. Сохранив у себя заколку, ты на многие годы сохранишь часть души нашей Кары.

Оливия с надеждой уставилась на меня. Её глаза блестели от слёз, а губы расплылись в благодарной улыбке. Я ещё раз посмотрела на заколку. Непонятно, честь принять такой подарок или большая ответственность?

– Заколка чудная, – сказала я. – И Кара, я уверена, была чудной. Но... – Я замялась. Мне не нравилось быть похожей на их мёртвую внучку. Но если такая мелочь способна осчастливить этих людей, я оставлю заколку у себя. Я ведь могу даже не носить её. Просто уберу в какую-нибудь шкапу и буду время от времени вспоминать Кару. Девушку, которую никогда не знала. – Хорошо. Я сохраню заколку.

Супруги радостно всплеснули ладонями и поползли на меня с неожиданными объятьями. Я непроизвольно соскочила со скамейки и заметила быстро шагающего в нашу сторону Мишеля, о чём живо сообщила мистеру и миссис Ллойд. Благо, они уловили мой намёк и принялись старательно изображать какой-то незатейливый диалог между собой.

– Добрый вечер...

– И вам добрый вечер, Мишель, – хором ответили супру-

ги.

Я спрятала заколку в рукав и вяло кивнула. Голубые глаза-топазы сверкали не хуже опала на заколке и зло метались от меня к гостям и обратно. Не сложно было догадаться, чем он так недоволен.

– Гости как раз искали вас, Мишель. Ведь правда? – Я повернулась к супругам и увидела не совсем то, что ожидала: Билл и Оливия удивлённо смотрели на меня и отрицательно качали головой.

– Нет, мисс, вы ошибаетесь, – нахмурилась Оливия.

– Но вы ведь весь день искали его кабинет?

– Позвольте, мы уладили все дела с управляющим при вселении, не было никакой необходимости искать его кабинет, – чертовски правдоподобно соврал Билл. Он встал и помог подняться на ноги своей жене. – А теперь простите, мы бы хотели вернуться в дом.

Такой подставы я никак не ожидала. Или у них случился приступ парного склероза? Чёрт!

А вдруг... Они... Боятся его?!

Я повернулась к Мишелю. Он определённо пугал меня. Недобрые помыслы, как черти из табакерки, выскакивали из его глаз. Всё, что ему нужно – это желание – и я навсегда исчезну в этих лесах. В эту минуту, я была уверена в этом, как никогда.

Сейчас он в очередной раз напомнит мне об «элементарных правилах» и укажет на дверь. В лучшем случае. Нет,

Аня, боюсь, ты была не права.

Он взглядом проводил супругов и неожиданно дружелюбно улыбнулся.

– В чём дело, Полли? Что-то не так? – Спросил он, навалившись на ствол тисового дерева.

– Нет, просто они действительно... Ладно, неважно.

– Я знаю, что они и правда бродили по дому и искали мой кабинет. Миссис Беккер сказала мне то же самое, – серьёзно, но всё ещё приветливо произнёс он.

– Вот оно что, – выдохнула я.

– На самом деле, они искали что-то другое. Верно?

– Я что-то не понимаю.

– Я вижу.

Не могли же они искать мою комнату, чтобы незаметно оставить заколку. В этом не было бы смысла. Сказать об этом Мишелью я, разумеется, не могла.

– Я его тоже видел.

– Кого?

Мишель лукаво покосился на миску и рассмеялся, потому что я, должно быть, чудовищно покраснела.

– Всех голодных не накормить, Полли. Особенно, если не знаешь, что служит им пищей.

– Что? Вы про ту страшилку?

Подул ветерок, закачались ветви деревьев и сразу стало как-то шумно. Мишель мечтательно улыбнулся, закрыл глаза и ничего не ответил. Он выглядел таким умиротво-

рѣнным, что казалось, вот-вот заснѣт. Потемнело. Задрал дождь. Мишель стоял молча. Дерево обнимало его и не давало промокнуть. Меня же дождь не щадил. Мягкий и неторопливый, но всё же дождь.

Даже когда я поняла, что Мишель больше ничего не скажет, почему-то продолжала ждать. Никогда бы не подумала, что он может быть вот таким. Таким... тёплым?

Маска, маска, маска...

Я лежала и пялилась в потолок. Редкие вспышки молнии за окном вырисовывали на нём причудливые и пугающие образы. Сна не было. Вернее, он был, но прошѣл. Когда вечером я вернулась в дом насквозь промокшая, миссис Беккер испугалась, что я простыну и отправила меня в постель, снабдив тёплым молоком. На здоровье я никогда не жаловалась. Надя говорила, что я – вурдалак, только вместо крови высасываю из людей здоровье и жизнь. Поэтому и не болею. Поэтому и не...

Я всё равно была рада возможности провести вечер в кровати. Укутавшись в одеяло и выпив молоко, я немного почитала роман про несуществующего рыцаря какого-то итальянского писателя, и довольно скоро крепко уснула. Снились мне средневековые балы, храбрые воины и прекрасные принцессы. Но в какой-то момент сон превратился в кошмар. Самый страшный кошмар моей жизни.

Я пробудилась от сильнейшего приступа удушья, будто всё то время, что смотрела сон, не могла дышать. Пижама и

кровать были мокрыми. Не от липкого пота, как это часто бывает после страшных снов, на меня словно вылили ведро болотной воды. Я дрожала от страха, стучала зубами и задыхалась. Всё это означало одно: кошмары вернулись.

С того пробуждения так и пялилась в потолок, отгоняя дурные воспоминания, но снова и снова возвращалась к ним. Ещё я ругала себя за то, что промокла. Он стоял там, и я зачем-то стояла тоже. Наверное, боялась, что, если уйду, больше никогда не увижу его таким. Дождь словно смыл его маску, обнажив что-то хрупкое. Да, именно хрупкое, – потому и нуждающееся в броне.

Теперь, лёжа в постели, я уже считала это полнейшей глупостью. Он видел, что я говорила с гостями. Наверняка, видел и как я взяла несчастную заколку. И он разозлился. Просто его подход к наказаниям уж слишком нестандартный. Мишель ни за что не станет растрачиваться на крики и жестикования, он ищет другие лазейки. И ведь, чёрт бы его побрал, находит! Слишком легко находит! Много тренировался, не иначе...

Снова спрашиваю, зачем я тут? И снова трушу дать себе честный ответ. Здесь и без того с лёгкостью материализуются самые потайные страхи. Для чего накручивать себя ещё больше? Намного проще закрыть глаза и выбираться из всего этого на ощупь. Вот только есть одна проблема. Если шагать не глядя – однажды можно провалиться в какую-нибудь пропасть...

Вскоре вернулся сон. Он улёгся мне на грудь, как наглый жирный кот, и не позволил пошевелиться до самого утра.

А утро пахло лимонами и розами. Не нужно было открывать глаза, чтобы понять, что сегодня за окном солнечно, что давно перевалило за полдень, что это миссис Беккер отключила будильник, дав мне возможность выспаться. Это она поставила на прикроватную тумбочку букет из свежесрезанных роз и чашку чая с лимоном. Надо же, иногда она может быть до неузнаваемости милой. Даже если на самом деле я не рисковала простыть, всё равно стоит сказать ей спасибо за заботу. Вчера я об этом не подумала, но уверена, что это Беккер попросила Питера и Аню не беспокоить меня. Удивительно чуткая и одновременно чрезмерно чопорная дама.

Через полчаса я спустилась вниз и не сразу поверила глазам и ушам: в вестибюле всюду надрывался магнитофон Питера, а все, включая Беккер и управляющего, весело насвистывая, заканчивали уборку разгромленной гостиной. Питер постелил ковёр – и все удовлетворённо потёрли ладошки, а потом заметили и меня. Лгать не стану, я не особо трудолюбива, но всё равно испытала некий стыд за то, что нежилась в кровати, пока все работали.

– Привет, Полли. Как ты себя чувствуешь? – Спросила Аня.

– Прекрасно я себя чувствую. Что у вас происходит?

– Да вот, чистоту наводим... – Удивился моему удивлению Питер.

– Ты голодна? – поинтересовалась миссис Беккер.

– До обеда дотерплю.

– Мы устроим пикник у озера! – с детским восторгом сказал Питер.

– У озера? А гости? Они пойдут с нами?

– Они уехали сегодня. Очень рано, – выключив магнитофон, ответил Мишель.

Я посмотрела на Питера. Он беззаботно улыбнулся мне и спросил у миссис Беккер, что будет на обед. Мишель наказал всем переодеться во что-нибудь удобное и все разошлись. Тропинка, уводящая в лесную глушь, начиналась почти у самой каменной скамейки. Странно, что я не замечала раньше. Она круто петляла по чаще, изредка озадачивая Мишеля развилками. Правда, он не колебался подолгу, почти сразу определяя нужное направление. Деревья расступались перед незваными гостями нехотя: чем глубже нас уводила тропинка, тем теснее они стояли, и тем темнее становилось. Хорошо, что Мишель настоял, чтобы все захватили тёплые свитера, оказалось, солнцу воспрещён вход в это сырое зелёное царство.

Впрочем, довольно скоро мы вышли на вполне приветливую светлую опушку, где и располагалось озерцо. Круглое тёмное блюдце. Чёрная бездонная дыра посреди летнего леса. Безмятежная водная гладь напоминала поверхность чёрного зеркала. Все тут же ринулись к воде и принялись с интересом рассматривать свои чёрные отражения.

Я передёрнулась. Поверхность воды обманчива. Она намеренно отражает небо, чтобы ты не смог узреть её смертельную глубину. Это ловушка. Лёжа на дне, неба не увидишь...

Я расстелила плед неподалёку и стала ждать, когда же все рассядутся и мы пообедаем. Мишель, дорвавшись до любопытных слушателей в лице Питера и Ани, принялся с упоением рассказывать какую-то байку, коварно поглядывая на водоём. Я старалась не слушать, но обрывки фраз всё равно долетали до меня: «Ил утянет... Вода мутная, холодная... Кто-же на дне?». По восторженным глазам Питера я поняла, что это очередная местная страшилка. Неужто Мишель является завсегдатаем здешних пабов? Миссис Беккер, по видимому, уже слышала эту историю. Она спешно отошла от них и под села ко мне на плед. Ничего не говоря, женщина подняла полотенчко с корзинки и протянула мне ароматный, всё ещё тёплый кусочек яблочного пирога. Я с благодарностью приняла его и проглотила прежде, чем поняла, что она раскладывает его на тарелочки и что мне, вероятно, следовало дожидаться остальных. Женщина равнодушно покосилась и протянула мне тарелку с ещё двумя кусочками.

– Не пробовала пирога вкуснее, миссис Беккер. Может, не стоит выкладывать весь? Остынет ведь...

– Их иначе не притянешь. Когда Мишель пребывает в таком настроении, он может болтать без умолку...

– В каком таком? – аккуратно уточнила я. Он и правда сегодня выглядел подозрительно бодрым, но в случае с Ми-

шелем, я бы не стала связывать это с чем-то хорошим.

Женщина многозначительно вздохнула, и я поняла, что недалеко от истины.

При естественном освещении уже хорошо знакомые мне лица выглядели немного иначе, чем в тусклом пансионате. Например, у Питера я рассмотрела еле заметные веснушки, светлые волосы Ани отдавали розовым, а серые глаза превращались в мутно-зелёные. Миссис Беккер имела чёрные волосы с редкой серебряной рябью и изящную подтянутую фигуру, а её губы были неизменно обведены бардовой помадой, и я как-то не особо задумывалась о её возрасте, но теперь наружу стали проглядывать морщинки и пигментные пятна, а пальцы вдруг оказались узловатыми, и стало очевидно: ей совершенно точно перевалило за пятьдесят.

– Прекрати, ты чего? – шепнул Питер, слегка толкнув меня локтем.

– Это ты чего толкаешься?

– Ты так пялишься на миссис Беккер, я уж испугался что... Давай-ка прогуляемся?

Перекусив, Аня и Беккер завели вялую беседу о преимуществах жизни в городе и сельской местности, Мишель озадачено высматривал что-то на дне своего стакана с морсом. А вот Питер, судя по всему, заскучал. Я, откровенно говоря, тоже.

– Ладно, раз уж выбрались сюда, давай хотя бы посмотрим, что тут ещё имеется.

– Не вздумайте заблудиться, – бросил вслед Мишель, не отрывая взгляда от стакана.

Мы молча обогнули озеро и немного покидали в него камни. Вода проглатывала их как бездонная пасть чудища, просящая ещё и ещё. Ил утянет, вода мутная, холодная, кто на дне? Меня снова передёрнуло.

– Пойдём подальше от этого чёртова озера.

Я не стала дожидаться ответа Питера и шмыгнула в чашу, потому что увидела, как мне показалось, тропинку.

– Это пикник у озера, а не шатание по лесу! Ты куда? Мишель не шутил, заблудиться здесь легче, чем... Эй, да стой же!

– Зачем он нас сюда привёл?! – почти взревела я, остановившись так резко, что Питер врезался в меня.

– Он здесь в детстве часто бывал... – потирая ушибленный лоб, прошипел парень.

– А может, он сюда сбрасывает останки своих жертв, а?!

– Смешно. Но больше никому не говори, не все оценят такие шутки.

Я отмахнулась и поплелась дальше. Питер догнал меня, но больше ничего не говорил.

– Всё-таки не лучшая идея уходить в чашу. Вдруг тут звери... – Мы наткнулись на поваленное дерево и присели на его ствол.

– Да ты никак трусишь, Пит?

– А ты смелая до чёртиков, да? Озера испугалась?

– Просто не доверяю таким водоёмам. Кто знает, что там у них на дне?

– Правильно делаешь, Мишель такое рассказал, хочешь услышать?

– Нет!

– Ох...

Питер поёжился и отодвинулся подальше. Ну всё, теперь от точно уверен, что я чокнутая.

– Я однажды чуть не утонула. Там пруд был. Мутный такой. Вода зелёная, вонючая. Почти болото...

– Вот блин, серьёзно?

– Ты не подумай, что я каждый раз при виде воды психую. Мне тогда было двенадцать. И после того случая мне каждую ночь снилось, как это повторялось. Вода в глазах, во рту, в носу. Хочу закричать от ужаса, но только больше глотаю эту гнилую воду, а ноги уже увязли в иле и водорослях. Просыпалась всегда насквозь мокрая и задыхающаяся, словно всё взаправду. Лет десять уже не снилось, а сегодня ночью снова... Когда мы сюда пришли, я вдруг подумала, что это Мишель всё подстроил. Странное совпадение, понимаешь?

– Мне действительно жаль, что тебе пришлось пережить такое, но ты же понимаешь, что ты сейчас говоришь...

– Глупости? Чушь? Бред?

Питер смутился. Судя по всему, он и правда хотел сказать что-то такое.

– Ладно, Пит, я и сама это понимаю... Мне показалось,

ты хотел поговорить, когда позвал прогуляться?

Пит смутился ещё больше, и я пожалела, что вообще завела разговор про сон и остальное. В конце концов, там, где выдаётся одна тайна, выдаётся и другая, а мне этого совсем не хотелось.

– Да, я хотел попросить твой дружеский совет. Только не смейся, ладно? Это касается... – Тут он вскочил и насторожился. – Слышишь?

Я тоже поднялась. Ветки и опавшие листья предательски хрустели под чьими-то аккуратными шагами. Питер поднял с земли какой-то дряхлый прут и встал в стойку, приготовившись отбиваться от невидимого дикого зверя. И будь это правда он, нам бы обоим сильно не поздоровилось – толку от такого оружия мало. К счастью, подкрадывающийся к нам зверь, днём выглядел в точности, как человек. В час ночной, дремучий, я уверена, он сбрасывает свою оболочку, являя тьме чернильной свою клыкастую, лохматую натуру. Но сейчас-то он скрывается, а посему...

– Мишель?! Я же чуть не... Вдруг, думаю, волк... – Питер комично схватился за сердце и потряс прутом.

– Не стоит заходить в чашу, если не готов к встрече с волком, Питер. Зачем вы так далеко ушли? Я ведь предупреждал...

– Мы не заблудились, если вы об этом.

– Ни за что не узнаешь, что заблудился, пока не попытаешься вернуться.

– А вы, получается, забеспокоились и решили найти нас? – Я фыркнула и решила самодовольно вернуться к озеру, оставив на этот раз в дураках Мишеля. Но стоило мне только сдвинуться с места, как я поняла, что совершенно не представляю, в какую сторону нужно идти. Не подавая вида, я попыталась высмотреть примятую траву или следы той самой еле заметной тропинки – всё тщетно, кругом одни лишь девственные заросли. Мы словно с неба сюда свалились! А за спиной уже раздавался шипящий смех Мишеля.

– В чём дело, Полли? Куда-то собралась?

– Я... Я что-то не понимаю...

– Милая Полли, ты пошла по плохой тропинке, она только заводит. Чтобы выйти отсюда, нужно отыскать другую.

Тут и до Питера стало доходить, что мы оказались в ловушке у леса, он стал активно махать руками, носясь от одного дерева к другому.

– Я что, с ума схожу? Мы же оттуда пришли! Или оттуда? Или...

Вдоволь позабавившись этим, Мишель уселся на поваленный ствол, снял очки и закатал рукава своего свитера.

– Однажды я провёл на этом месте много часов. Я заблудился. В этих краях и без того очень быстро темнеет, а в лесу и подавно. И лучше бы вам никогда не узнать, какие ужасающие метаморфозы происходят по ночам с этим лесом, – тут его голос стал тише. – На поверхность выползают уродливые тени, и кто-то обитает в них. Земля становится вязкой

и ноги то и дело застревают, а за каждым деревом прячется кто-то смертельно опасный. Туманная дымка обволакивает тебя, проникая в глаза и нос, а вдалеке жалостно воет какой-то зверь. Дойди до него и освободишься, дойди до него и умрёшь!

На последних словах Питер подпрыгнул, а у меня перехватило дыхание, и я закашляла. Страх Питера перед грешными псами я уже знала, а вот с чего бы так пугаться мне?

Может, с того, что всё это время Мишель многозначительно смотрел на меня. Так, словно мы были там вместе, так, словно я прекрасно понимала, о чём он говорит. Или, может быть, с того, что отчасти я и правда понимала: пансионат – его дом – ночами пугал меня своими метаморфозами ничуть не меньше, чем его – ночной лес.

– Так... И как же вы вернулись? – тяжело сглотнув, спросил Питер.

– Ты хотел спросить, как вернуться нам сейчас?

– А это не одно и то же?

– Конечно, нет. Сейчас день, днём ты можешь всего лишь заблудиться. Погибель приходит с темнотой.

– Если здесь так опасно, Мишель, зачем же **ты** привёл нас на это чёртово озеро? – не выдержала я.

– Понятно, – неоднозначно протянул он и встал на ноги.

Он надел очки и подошёл к одному крупному дубу, затем мягко провёл ладонью по его мозолистому стволу, пока не наткнулся на какие-то зарубки. Он долго разглядывал их с

глубоко печальным видом, а потом махнул нам с Питером: «За мной, нам сюда».

Спорить с ним совершенно не хотелось. Проходя мимо дерева, я тоже задержала взгляд на зарубках. Несколько маленьких знаков вопросов, вырезанных, судя по всему, очень и очень давно. Это то, что он оставил после себя той ночью, чтобы больше никогда этого не повторилось? Но почему именно знаки вопроса? Какие он хотел получить ответы?

Аня и миссис Беккер встречали нас с очень тревожным видом. Оказалось, что их напугали две бродячие собаки, что чуть не покусали Аню. Питер без умолку повторял, что проходимцы в пабе говорили правду. Мишель молчал. Что-то в нём изменилось. Клянусь своими костями, что-то изменилось.

Питер стал рассказывать Ане уже о наших приключениях, скорее всего, здорово приукрашивая, и они ускорились. Мишель шёл совсем впереди и не попадал в поле моего зрения. Миссис Беккер плелась рядом, явно желая что-то сказать, но ограничиваясь лишь недовольными вздохами.

– Я хочу вас поблагодарить.

– Я испеку ещё пирог, Полли, успокойся.

– Да нет же. За то, что немного позаботились обо мне.

– О чём ты говоришь?

– Никто давно не беспокоился о моём здоровье. Даже я сама.

– И всё же, Полли, я не понимаю о чём ты.

– Ну как же, вчера вы настояли на постели и молоке, а с утра чай, цветы. Не стали будить рано.

– Я действительно не хочу, чтобы мои работники болели. Но сегодня с утра я не заходила к тебе в комнату. А не беспокоить тебя приказал Мишель.

– ОН? Это он заходил ко мне? – Мы обе резко остановились.

Беккер покосилась на меня с лютым презрением и поджала губы.

– Так вот какие у тебя цели, Полли?

– Мои цели? Вы что хотите сказать?

– Омерзительно. Ты просто дура, Полли! Пустышка! Отныне хорошенько обдумывай каждый свой шаг. Я слежу за тобой.

После этих слов женщина ускорила свой шаг и вскоре вышла из леса. Я сильно опешила и, наверно, ещё бы долго так и стояла на месте, если бы не боялась остаться среди деревьев одна.

Остаток дня прошёл быстро и совсем скоро пансионат накрыли сумерки. Меня обуяла лютая тоска и я захотела поболтать с кем-нибудь. Первым делом я заглянула к Питеру, он валялся на кровати и листал журналы с полуголыми девицами.

– Можно было бы и постучать, – промямлил он, в спешке вскакивая с постели.

– Можно было бы... – равнодушно отозвалась я, скинув

магнитофон на пол и завалившись в кресло.

– Что-то не так?

– Завидная проницательность, Пит.

– Я же серьёзно. Ты бледная какая-то.

Он убрал журналы в комод и уселся на подоконник.

– Странный пикник выдался, да?

– Странная выдалась неделька, Пит.

– Привыкнешь.

– Нет, не смогу. У меня было время подумать... Знаешь, наверное, мне лучше уехать.

Питер выкатил глаза и открыл окно, впустив сумерки в комнату.

– Но почему?

– Не знаю. Не место мне здесь. Я думала, что это именно то, что мне сейчас нужно. Но... Я ошибалась. Поездка выдалась напрасной.

– Это тебя лес так напугал?

– И нет и да... Всё здесь какое-то притаившееся. У меня снова начались кошмары, гости здесь странные. И этот Мишель, у него что-то нехорошее на уме, я не смогу его раскусить, он мне не по зубам, понимаешь? Вдруг если не уеду сейчас, уже не уеду никогда?

– Почему он тебя так беспокоит?

– Пит, я пришла сюда не для того, чтобы ты меня отговаривал, я пришла сообщить о своём решении.

– Утром всё воспринимается иначе. Выпись.

Я кивнула и направилась к двери. Питер тоскливо проводил меня взглядом и пожелал доброй ночи.

Ни спать, ни возвращаться в свою комнату не хотелось. Но от принятого решения на душе было тепло. Пусть это трусливо, пусть так, пусть я даже не получу жалование за эти дни. Плевать. Я убедилась, что оказалась здесь по ошибке. Нужно возвращаться домой.

Погас свет. Я вооружилась фонариком и продолжила читать про несуществующего рыцаря. Лучше уж не спать вообще, чем снова оказаться на дне того пруда. Как же давно он мне не снился. Почему снова?

За стеной стали раздаваться душераздирающие скрипы, а с зеркала соскользнуло покрывало. Я чертыхнулась и подошла к окну. В беседке сидел Мишель. Обнимаемый темнотой и целуемый ночью. В голове закрутилось дикое желание открыть окно и проорать, что есть мочи: «Мишель, завтра я отбываю, не поминай лихом и иди ко всем чертям!»

Кто знает, возможно, я бы именно так и поступила, если бы не заметила чью-то крадущуюся тень.

– Так-так, что это за ночное свидание?

Тень немного потопталась на месте, прежде чем усесться рядом с Мишелем, а когда уселась – тенью быть уже перестала. Слабого мерцания свечей на столе вполне хватило, чтобы я смогла узнать Питера.

Питер!

Они немного помолчали, затем недолго о чём-то погово-

рили, и Питер снова вернулся в дом, предварительно превратившись в тень. Через несколько минут я услышала его вкрадчивые шаги в коридоре. Почему я не слышала, когда он выходил?

Мишель немного посидел на месте с крайне озадаченным видом и тоже зашёл внутрь. Тайная ночная встреча Мишеля и Питера – это что-то новенькое. Какое счастье, что завтра мне уже не будет до всего этого дела.

Лексон. Не одни

С наступлением осени дни стали короче, ночи темнее, а от колючести вечеров не спасали ни горячий чай, ни добрые книжки, ни вязанные свитера. Надд сильно расхворался и дни напролёт кашлял в кресле у камина или запирался в своей комнате. По началу Лексон пытался ухаживать за своим двоюродным дедушкой, подносил грелку и градусник и даже пытался приготовить куриный бульон. Но Надд только отмахивался. «Моя болезнь не простуда, а старость» – говорил он. Лексон, одарённый нечеловеческой проницательностью малыш, понимал это. Оттого то он так и беспокоился, потому что знал: если Надда вдруг не станет, он тоже будет обречён.

– Все эти агентства, эти шарлатаны отказываются искать мне домработников. Видите ли, из Сайленс Валлей никто не хочет здесь работать, а для жителей большого города, я слишком требователен, а жалование слишком низкое! – Старик раскачивался в кресле, грозно разбрызгивая слюни в огонь, а содержимое бокала на ковёр.

Лексон подозревал, что терпко пахнувшая, оставляющая бурые пятна на ковре жидкость и стала причиной столь сварливого настроения Надда.

– Почему никто не хочет здесь работать? – спросил мальчик, подвинувшись по ближе к огню.

– В большинстве своём люди не переносят одиночество. Представляешь, каким паршивым человеком нужно быть, чтобы бояться компании самого себя? Мы боимся того, что проглядывает из нас наружу тогда, когда мы совершенно одни. Боимся, что это что-то не часть нас, но ещё больше – что всё-таки часть. Люди не созданы для тишины, в ней они сходят с ума. А здесь её, мой милый Лексон, слишком много. Слишком.

– И ты тоже боишься, Надд?

– Нет, малыш, я уже давно не чувствую ни страха, ни одиночества, ни отчаяния. Всё это – твоё наследие. Мне остались уныние, да больные суставы.

– В моей комнате совсем холодно, – пропищал мальчик, стараясь заглушить сказанное Наддом.

– Знаю. Дай мне ещё пару дней, я разберусь с отоплением. Ещё пару дней...

После этих слов старик немного покашлял, выронив бокал из рук, положил голову на плечо и захрапел. Лексон накрыл ноги Нада пледом и поднялся в свою комнату.

Дождь не прекращался уже три дня и сырость понемногу проникала в дом, оставляя подтёки на оконных рамах.

– Дома мне не позволяли выходить на улицу в такую погоду... – протянул мальчик, выводя зигзаги на запотевшем окне. – Роза говорила, что меня считали хрупким. Но это не так. Дождь не разбивает детей, как стекло. Не разбивает, говорю я вам!

Мальчик взвизгнул, зажмурился и ударил по стеклу маленьким кулачком. Стекло тут же хрустнуло, звякнуло и разлетелось по свету острыми, сверкающими осколками. Он вскочил на подоконник и вынул руку на улицу. Дождь захлестал сильнее, моментально смыв с неё кровь. Лексону же на тот момент казалось, что дождь ускорился только для того, чтобы доказать: он всё же сможет разнести его вдребезги.

– Не разобьёшь! Не разобьёшь! Подлый! Трусливый! – кричал мальчик в пустоту, раскачиваясь вперёд-назад и лишь чудом не сваливаясь вниз.

Вскоре, выдохнувшись, Лексон сел на подоконник, свесив ноги наружу. По комнате уже разлилась внушительная лужица, да и сам он порядочно промок, но не перестал нашёптывать: «Не разобьёшь, не разобьёшь...»

Когда он открыл глаза, всё ещё была ночь. Из-за сквозняка дверь постоянно скрипела и то и дело хлопала. Наверное, из-за этого шума он и очнулся. А может быть, он очнулся из-за волчьего холода или из-за того, что порезы на руке начали жечь и ныть.

– Вспышки вернулись, – тихо заключил он, несколько не удивляясь выбитому стеклу и кровоточащей руке, и было отправился за помощью к Надду, как увидел лохматого, чёрного, такого же продрогшего, как и он сам, свернувшегося калачиком под деревом пса.

Каким-то образом его чёрные очертания не сливались с ночью. Лексон отчётливо видел и нечёсанный хвост, и обо-

дранный нос, и, конечно, измученные глаза зверя. Он просто прятался от ливня под деревом, но Лексону казалось, что на самом деле это он и привёл дождь сюда. И что его жёлтые глаза не случайно выцепили силуэт мальчика в разбитом окне, а таинственно мерцали, приглашая выйти в ночь, приглашая приручить её там, где заканчиваются толстые стены дома.

– А может, ты пришёл, чтобы съесть меня? – размышлял мальчик, стоя уже на крыльце, не сводя взора с пса, который, казалось бы, совсем им не интересовался. Он не отпуская ручку двери, чтобы можно было в любой момент прошмыгнуть внутрь.

Постояв так какое-то время, Лексон глубоко вдохнул и спустился в увядающий под сыростью осени сад. Пёс, почувствовав угрозу, оголил острую пасть и принялся тихонечко рычать. Лексон трясся и вибрировал, но продолжал аккуратно шагать к зверю, от чего рык того становился всё громче. И вот он занёс исполосованную руку над головой пса и застыл, осознавая опрометчивость своего поступка. Пёс блеснул клыкастым оскалом и рванулся вперёд, придавив ребенка массивными лапами. Смердящая, пускающая слюни пасть оказалась у самого лица мальчика, лай больше напоминал автоматные очереди. Лексон зажмурился, ожидая неизбежного, не в силах ни пошевелиться, ни всхлипнуть.

– Паршивец! – раздался сиплый крик Надда с крыльца. – Убирайся откуда пришёл!

Затем послышался свист и глухой стук, после которого пёс отскочил от Лексона и заскулил. Мальчик в спешке поднялся с земли и схватился за трость Надда, что приземлилась в шаге от него. Пёс, поочередно скуля и рыча, запяtil дальше от замаха трости. Но та всё же настигла его, перебив заднюю лапу, после чего зверь съежился, а Лексон продолжил лупить его. В какой-то момент Лексон выбился из сил и выронил трость из рук. Зверь задрал голову и жалобно провыл. Напоследок он обнюхал тяжело дышавшего мальчика и скрылся в зарослях леса, иногда раскачивая невысокие кусты.

– Паршивец какой... Цел? – Надд, доковылявший туда только сейчас, потряс Лексона, дал ему подзатыльник и тут же ласково провёл по голове. – Как тебя угораздило? Зачем?

– Он приглашал, – шмыгая носом, отозвался тот.

– Это он укусил тебя?

– Нет, это дождь. Вернее, стекло, но я-то знаю, что дождь.

– Ладно, идём в дом, нужно обработать.

– Надд, кто это был? Он облизнул мою руку, он слизнул кровь.

Старик проворчал что-то неразборчивое и завел мальчика домой.

На следующее утро Лексон проспал до самого обеда. После пробуждения он обнаружил, что ночевал не в своей комнате, а ещё то, что у него страшно болит горло.

– Правильно, в моей то комнате сквозняк, там окно раз-

бито. Надо бы...

Он затих на полуслове, услышав за дверью не только привычные шаркающие шажки Надда, но и бодрые постукивания дамских каблучков.

– Итак, Диана... Я ведь могу называть вас так?

– Как угодно, мистер... Просто Надд?

– Верно, мисс.

– Миссис.

– Извините. Сейчас я разбужу Лексона и представлю вас.

– Я должна знать что-то особенное?

– О мальчике? Иногда у него случаются кратковременные приступы психоза.

– Он принимает какие-то лекарства?

– Нет, его нахождение здесь и есть своего рода терапия. Но ему необходимы лавандовые ароматерапии три раза в неделю.

– Мигрени?

– Верно. – Надд сделал небольшую паузу и постучался в комнату. Мальчик к тому времени окончательно пробудился, поэтому незамедлительно открыл дверь и увидел перед собой высокую молодую женщину с очень чёрными волосами и строгим взглядом.

– Познакомься, Лексон, эту даму зовут миссис Диана Беккер, она будет жить с нами. Правда чудно?

Глава 4. Целуя безумие

– «Я не люблю зеркала. Не боюсь, а именно не люблю. Любуй, кто об этом узнаёт, принимается тут же меня «утешать», мол, я прекрасно выгляжу и нечего мне «стесняться своего отражения». Идиоты, честное слово. Разве я хоть раз говорила что-то про свою внешность? Я говорила про зеркала. И я совершенно не в обиде, видя иногда в своём отражении мешки под глазами и растрёпанные волосы. Зеркала ведь и должны отражать, верно? И это совершенно нормально, если в них иногда отражается что-то плохое. Отражается. Но когда там появляется, что-то в одностороннем порядке, что-то, что есть только там... (Там? Это где?) Вот тогда, считайте, после такого, считайте, и начинаешь их недолюбливать». Как это понимать, Полли?

– Прочтите ещё раз, это простейший текст. Даже ребенок поймёт.

– Вот именно! Наше издательство ориентируется на детей! Статья должна была быть про волшебство! Что за чертовщину ты мне подсовываешь?

– Нет никакого волшебства, мистер Линч, есть только, как вы выразились, «чертовщина».

– Так, Полли, с меня довольно, убирайся с глаз моих!

– Я уволена?

– У тебя было два выговора, если ты продолжаешь де-

лать те же ошибки, значит, ты не так уж и хочешь работать здесь. Советую попробовать реализовать себя в чём-то другом. Проваливай.

Понедельник был выходным днём в пансионате, поэтому завтрак начался позже обычного. Все сидели за столом в неформальной одежде и старались болтать на отвлечённые темы, хотя было совершенно очевидно, что у Питера и, скажем, миссис Беккер общие темы для разговора находились крайне тяжело.

Я уже сообщила всем о своём решении и слегка удивилась, увидев, что все восприняли эту новость, как что-то само собой разумеющееся. Питер не в счёт, ему я сказала ещё ночью. Скорее всего, он уже проболтался Ане. Миссис Беккер сдержанно улыбнулась и сказала, что, по-видимому, так для всех будет лучше. Мишель равнодушно пожал плечами, мол одним больше, одним меньше...

После завтрака Мишель попросил зайти к нему в кабинет, чтобы кое-что подписать. «Ты же понимаешь, что мне придётся написать твою характеристику в кадровое агентство?» – спросил он меня, стараясь выглядеть максимально деловито. «Как угодно», – ответила я. И подумала, что плевать я хотела на это паршивое агентство. Он, уверена, тоже. Просто решил на прощание затеять свою любимую игру.

– Ближайший поезд до Кардиффа сегодня ночью, Бран заедет за тобой, будь готова к девяти.

– Но ведь он приедет через час, чтобы отвезти Аню и Пи-

тера на выходной в город?

Об этом ещё перед завтраком мне рассказал сам Питер. Он решил, что за ночь я передумала и сегодня поеду с ними в город, чтобы немного развлечься.

– Да, и привезет их обратно как раз к девяти, а заодно и заберет тебя. А я пока подготовлю все необходимые бумаги.

Возражать я не стала. Во-первых, мне казалось, что я помешаю Питеру и Ане, если до вечера буду таскаться с ними по городу, а во-вторых, мне было необходимо собрать вещи без суматохи. И может быть, совсем маловероятно, но я думала, что захочу на прощание прогуляться по дому.

– Ты уверена, что не едешь с нами? Развеемся, в кино сходим, прошвырнёмся по пабам? И кто знает, может, ты и не захочешь уезжать? – уже во второй раз спросил Питер.

Бран раздражённо сигналил у ворот. Поэтому я почти пинком согнала Питера с крыльца, заверив, что вечером мы ещё увидимся. Когда ребята уселись в седан Брана, он прекратил назойливо гудеть, но с места не тронулся. Оказалось, что они ждали миссис Беккер. Ей внезапно тоже захотелось отъехать в город, кого-то навестить.

– Я вернусь только завтра утром, поэтому, Полли, больше не увижусь с тобой. – Сегодня было ветрено, женщина куталась в лёгкое пальто и безрезультатно пыталась поправить выпавшую из пучка прядь. На меня она не смотрела. – Не беспокойся, Мишель выплатит жалование в полном объеме, я с ним поговорила.

– Спасибо, миссис Беккер. Простите, если доставляла вам проблемы. Может быть, при других обстоятельствах...

– Береги себя, прощай.

Я пожелала всем доброго пути и вскоре машина затерялась среди дубовой рощи. Добравшись до комнаты, я принялась складывать вещи в чемодан, думая про возвращение в Чикаго. Сдали ли уже мою старую квартирку? Смогу ли я найти приличное издательство и продержаться хоть на одной работе дольше года? Стоит ли говорить что-то Эмме Аддерли? В голове даже пробежала жалкая мысль о доме Нади.

Нет-нет. Я не в таком отчаянном положении.

Последним в чемодан я поместила маленький бархатный мешочек. Я пообещала Биллу и Оливии, что сохраню заколку. Они были так милы. И так, чёрт возьми, настойчивы. Если разобраться, они всучили мне её и тут же пропали. Вернее, на следующее утро. Вернее, так сказал Мишель. Вернее... Что вернее? Что?

Я сидела на собранном чемодане и не могла определить, хочу ли я знать, что происходит в этом пансионате. Если хочу – сегодня последний шанс выяснить. Если нет – не нужно выходить из комнаты до вечера. Не высовывайся. Не высовывайся в любом случае. Не высовывайся, дура!

Я вышла. Прогулялась по коридору. Спустилась вниз. Подышала библиотечной пылью и заглянула в столовую. Погладила вельветовые шторы в гостиной, недолго постояла у входа в подвал и ещё раз окинула взглядом большой портрет ко-

го-то очень похожего на Мишеля. Казалось бы, на этом можно закончить прощание с домом, но именно там, у портрета, меня словно током дёрнуло. Что-то было не так. Что-то изменилось. Я быстро вернулась к своей комнате и обнаружила, что картина с висельником теперь висела рядом с моей дверью. Спустившись к стойке регистрации, я убедилась, что это не копия, а та самая картина. Почему она поменяла свою локацию? Кто и зачем подвесил её рядом с моей спальней?

Вопросы, вопросы, вопросы. Вместо ответов острые улыбки Мишеля, строгие взоры миссис Беккер и небрежность Питера.

– В чём дело, Полли? Потеряла что-то? – Мишель неожиданно появился со стороны кухни с целой горой шоколадных кексов в руках. Выглядел он так, словно это я застала его врасплох, а не наоборот.

– Я хотела посмотреть перед отъездом на одну картину...

– И в чём же проблема? – На самом деле, к этому времени он уже закинул один кекс в рот, прозвучало это скорее: «И ф щём ше проблэма?»

– Я не знаю, где она, – немного солгала я. – Раньше за стойкой находился «Висельник». Кто-то перевесил картину?

– Странно... Наверное, миссис Беккер.

«Странно»? Правда? Это всё что он смог протянуть? Наигранное «странно»?

Пока я мысленно покрывала его бранью, он уже куда-то ретировался. Судя по звукам хлопающего холодильника,

снова на кухню. Несмотря на то, что я тоже уже изрядно проголодалась, всё же решила дождаться, пока Мишель утолит свой голод и затеряется где-нибудь в просторах дома. Решить то решила, но помчалась на кухню сразу же, услышав пронзительный звон бьющегося стекла.

Прибежав, я обнаружила Мишеля, ошарашенно застывшего над разбитой банкой малинового варенья. Вся кухня, начиная от пола и заканчивая самим Мишелем, оказалась покрыта сиропом. Не знаю, как я сумела удержать себя, чтобы не рассмеяться, ведь мысленно я уже каталась по полу, вот прямо по этой сладкой, липкой луже. Хорошо, что миссис Беккер этого не увидит. Я постаралась сделать очень сочувствующее и серьёзное лицо и протянула ему полотенце. Тут то я и поняла, что ему самому совсем не до смеха. Он стоял и совершенно не моргал. Ужас и боль в его глазах до чёртиков испугали и меня саму. Не сразу, но я заметила, что красная жидкость, стекающая тонкой струйкой с его руки, вовсе не варенье.

– Мишель, вы порезались!

Я смочила полотенце и попыталась прижать к ране. Но он как-то странно дёрнулся, оттолкнул меня и вжался в стену.

– Это была ты? Да? Ты? – Можно было подумать, что ему почудилось что-то страшное, но он спрашивал это с надеждой.

– Я?

– Ты не...

– Что?

– Ты... Извини. Я немного...

– Ничего...

Дальше, словно зачарованные, словно по команде, мы достали из кладовки вёдра и тряпки и молча принялись отмыть кухню. Что на него нашло, я не знаю. Меня больше беспокоило собственное наваждение: когда я опомнилась, я стояла на коленках и тёрла пол. Не просто тёрла, а ТЁРЛА, ТЁРЛА, ТЁРЛА, ТЁРЛА! Я и без того до смерти перепугалась, но когда поняла, что Мишель сидит позади меня и безумно улыбается, была готова проклясть себя за то, что не уехала с утра с ребятами и помчаться куда глаза глядят.

– Не стоило, Полли, честное слово. Ты ведь уже не работаешь здесь, – ехидно ухмыльнулся он.

Я отшвырнула тряпку и чуть не вlepила ему пощёчину. Клянусь своими костями, еле удержалась. Но он бы обязательно спросил, за что? А я бы не знала, что ответить. Что именно ответить.

– Ты, Поля, склочная.

– Неправда!

– Не спорь со старшими!

– Но ведь неправда!

– Дрянная девчонка! Из тебя не выйдет никакого толку!

Господи, свалилась же на мою голову...

– Всё нормально? – Он склонился надо мной, и я сообразила, что всё ещё сижу на полу.

– Вспомнилось кое-что...

Мишель протянул руку. **Ту руку.** Чистую и целую. Он помог мне подняться. Я оглядела кухню и мне стало дурно, голова закружилась, к горлу подступила тошнота. Я не могла определить, разбивалась ли здесь совсем недавно банка варенья. Вода в ведре и сами тряпки были совершенно чистыми, а его рука невредима, как будто и не было ничего. И в то же время я была уверена, что всё произошло взаправду.

– В чём дело, Полли? Ты какая-то бледная.

– Что это было, а? Что?

– Сказать честно, я и сам слегка удивлён...

– Мишель, я хочу получить чёткий ответ! Было это на самом деле или нет?

– Давай так: сейчас ступай в свою комнату, отдохни, приведи себя в порядок, а к шести спускайся в сад. Мы поужинаем и немного поговорим, – малость помедлив, ответил он. После этих слов он быстро покинул кухню. Я даже не успела уловить, в какую сторону он направился.

Хоть небо и было ясным, сегодня к шести было темнее, чем обычно. Я видела, как Мишель принёс в беседку разнос с чем-то вкусным и ждал меня, неторопливо листая какую-то книгу. Я же в свою очередь стояла у окна и всё размышляла, стоит ли ужинать с ним. Конечно, мне хотелось – у меня буквально живот сводило от любопытства и голода. Но, с другой стороны, я прекрасно понимала, что искреннего и приятного разговора от него ждать не стоит. Но что я теряю,

если разобраться? Сегодня я уеду. И будь что будет. И будь, что будет...

– А ты не слишком-то пунктуальна.

К ужину Мишель переоделся в белую рубашку, распустил волосы и снял очки, от чего его облик казался каким-то торжественным. Я же так и осталась в своём растянутом зелёном свитере и джинсах. Вместо ответа я пожала плечами и притянула к себе стейк из лосося. Помимо него на столе стояли овощной салат, какие-то булочки и вино с вычурной этикеткой на французском. Мишель отложил свою книгу, как оказалось ту самую, что я однажды видела на скамейке, и тоже взялся за стейк.

– Это миссис Беккер приготовила для нас, – зачем-то пояснил он. – Наверное, боялась, что сами мы с ужином не справимся.

– Скорее, она боялась за свою кухню.

– Это на неё похоже.

После того, как мы разделались со своими порциями, повисла неловкая пауза. Вроде бы говорить должен был он, но почему-то смотрел так, будто это я должна что-то сказать.

Ты правда не... Неужели? Нет?

Более того, он убрал волосы за уши, чуть навалился на стол и поддался вперёд, словно для того, чтобы мне было удобней его рассматривать. А я, честно говоря, как раз старалась не смотреть на него всё своё пребывание здесь. Это как какой-то эффект зловещей долины: ты смотришь и видишь,

что он очень красив, но несмотря на это, впечатление от него очень неприятное и тяжёлое. Мне вообще не нравится находиться в компании красивых людей, но дело тут не только в красоте. Аня, скажем, тоже сногсшибательно выглядит. Но находиться рядом с ней легко, её красотой не ослепляет. В случае с Мишелем чувствуется несоответствие оболочки с содержанием. Как я уже говорила, он фальшивый. А просто красивой картинкой меня не проймёшь. Когда недолюбливаешь отражения, вообще легко заглядываешь глубже, минуя поверхность. И неужели он не чувствует это, неужели он не чувствует, что я его вижу?

– Ладно, Полли, давай начистоту. Во-первых, ты сегодня никуда не уедешь.

– Что?! Почему?

– Бран звонил, у него сломалась машина. Аня и Питер переночуют в гостинице, а завтра Бран сможет привезти их вместе с миссис Беккер. Поэтому эту ночь ты ещё проведешь здесь...

Не уехать, не сбежать, не отпустит, он не позволит! Стало совсем темно, а в доме зажечь свет некому. На столе три свечи, позади перевоплощающийся к ночи лес, впереди пустой тёмный дом – логово, но не моё. А на против он – прекрасный принц, забитый под завязку чем-то тягучим, чёрным и ядовитым. Сердце у меня сжалось, но виду я не подала. Одна дурная мысль сменялась другой, пока я не поняла, как это произошло. Господи, Питер, неужели ты ночью выходил к

Мишелю, чтобы доложить о моём намерении уехать?! А он то уже позаботился о том, чтобы даже миссис Беккер не мешалась здесь. Что он замышляет?

– И раз уж мы завели об этом речь, скажу прямо, Полли, мне бы не хотелось отпускать тебя. Ты вроде только начала осваиваться, мне не нравится мысль, что придётся искать нового человека и всё сначала... Ты должна понимать это.

– Но не понимаю.

– В чём дело? Почему ты приняла такое решение?

– Могу я узнать для начала, что всё-таки произошло сегодня на кухне?

Он откинулся назад и закусил губу. Мишель слегка нервничал, но изо всех сил старался не показывать это.

– Можешь считать, что это было видение. Безобидное и ничего не значащее. А самое главное – оно предназначалось мне. Почему ты тоже поучаствовала в этом – для меня большая загадка. Но мне понравилось.

– Что понравилось? – спросила я, голос у меня почему-то хрипел и дрожал.

– Понравилось быть там вместе.

Не одному.

– Что ж, Мишель, возможно, именно по этой причине мне и не стоит задерживаться здесь. Видения, пропадающие гости, лес, в котором легко найти свою гибель, ночные скрипы – всё это воспринимается здесь, как что-то обычное. А это не нормально. И это пугает меня.

– Скрипы половиц или что-то такое?

– Скрипы, которые я слышу каждую ночь из соседней комнаты, из той, что всегда заперта. В коридоре их не слышно, я проверяла.

– Пустяки, это не должно тебя пугать. – Он наполнил свой бокал и налил мне, хотя я ещё в самом начале сказала, что не хочу. – Знаешь, Полли, ты ведь сама многое недоговариваешь. В сущности, что тебе до скрипов, гостей и чужих видений? То, что нужно тебе – на поверхности. А ты слишком глубоко ныряешь. Будь осторожна, милая, однажды тебе не хватит воздуха в лёгких, чтобы всплыть обратно. – От слов Мишеля у меня по спине пробежали колючие мурашки.

– Это оно и есть. Я тону. – Я опустошила бокал, вино оказалось ежевичным.

– Тонешь, Полли. И пансионат тут совершенно ни при чём. Ты носишь болото в себе. Не важно, где ты будешь – оно будет там же. Можешь уехать отсюда завтра, можешь даже попробовать уйти сегодня пешком, но только что это изменит на самом деле?

– Не говори так, будто знаешь меня.

– Что ты, Полли, это твоя работа. Правда? Я злой и двуличный, миссис Беккер чопорная и требовательная, Питер беспечный и шумный, а Аня милая и пустая, так? Разве это не ты делаешь вид, что всё про всех знаешь?

Как же мерзко! Он каким-то образом узнал мои мысли и совершенно перековеркал их. Но оправдываться я не стала.

На счёт себя и Беккер он оказался прав.

– И я не буду даже спрашивать, какие цели ты преследовала на самом деле, когда отправлялась сюда. Это не моё дело. Если хочешь отыскать какие-то ответы, я не буду препятствовать. Только не влезай в не предназначающееся тебе видения. И...не уезжай. – Он положил голову на ладонь и улыбнулся. – Не уезжай. Здесь снова станет тоскливо.

– Почему гости так внезапно отбывают? – Я не стала подыгрывать его самодовольству.

– Почему мы снова говорим об этом?

– А о чём нам говорить? Если я планирую остаться здесь ещё на какое-то время, я должна быть уверена, что здесь не пропадают бесследно люди.

Мишель запрокинул голову и неожиданно расхохотался. Знать бы, что его так развеселило.

– Идём, хватит сидеть здесь с серьёзными лицами и разговаривать про всякие глупости. – Он взял со стола вино и вышел из беседки. – Идём-идём.

Так мы оказались на каменной скамейке. Бокалы остались на столе, поэтому распивать вино пришлось прямо из горлышка. Если бы с утра мне кто-то сказал, что вечером мы будем сидеть с Мишелем напротив леса и напиваться из одной бутылки, я бы позвонила в психиатрическую клинику и попросила срочно выслать специалиста для этого безумного человека.

Не знаю, может, так действовало вино, но мне отчего-то

было очень тепло. Вечер был ветреным, а мне тепло. Голова немного кружилась, но тепло. На сердце не спокойно, но тепло... Лес не пугал. Может, всё ещё маскировался, а может, и правда был самым обычным. Мишель время от времени напряжённо вглядывался в него, будто ждал, что оттуда может кто-то выйти. Возможно, эта чёртова скамья совсем не случайно так расположена?

– Кого ты хочешь там увидеть? Зверей, которым скормили грехи? – задиристо усмехнулась я. – Это ничего, что я так неформально?

– Мне двадцать семь, я старше тебя всего на два года.

– Я говорила о субординации...

– В нерабочее время – это приемлемо. Так ты тоже знаешь эту легенду?

– Питер рассказал. Глупость полнейшая.

Я запрокинула голову к небу. Звёздная июльская ночь. Уже ночь... Голова закружилась, я резко потрясла ей. Мишель поставил в сторону опустошённую бутылку и лукаво улыбнулся:

– Так ты полагаешь, что никакой опасности нет?

– Разумеется, есть. Опасность буквально повсюду... – Теперь я конкретно плыла. Скамейка вдруг оказалось вязкой и мне начинало казаться, будто я в неё проваливаюсь.

– Хочешь, я расскажу, как всё было на самом деле? – Мишель между тем опьяневшим совсем не выглядел, правда, он моментами двоился, а голос его то и дело обзаводился эхом,

но он, скорее всего, об этом не подозревал.

– Выкладывай, ненавижу тайны. Пусть станет хоть на одну поменьше...

– Эта детская страшилка основана на правде. Когда-то в этих краях практиковался похоронный ритуал: покойнику на грудь клали хлеб или другие угощения и звали Пожирателя грехов. Он съедал предложенную еду, забирая таким образом грехи усопшего себе, ему за это платили, а потом прогоняли плевками. Обычно в каждой деревне был свой Пожиратель. Они жили обособленно, простые люди старались избегать их.

– Гадость какая. А причём здесь звери?

– Псы. Их называют Псами. Человеческая душа подобна сосуду, милая Полли, она не может растягиваться до бесконечности. Когда она переполняется грехами – их нужно искупать. Смертной жизни не всегда может хватить на это. Пожиратели знали это, как никто другой. Они обращались в бессмертных Псов и бродили по лесам, ожидая время, когда снова смогут стать людьми. Они давным-давно перевелись. Но я верю, что некоторые из них... – Мишель резко замолчал и сделал вид, будто заметил кого-то в кустах.

Я слишком ярко вообразила покойников и чавканье Пожирателей в траурной тишине. Псов, хищно рыскающих в поисках еды. Меня обдало липким ужасом. Не хочу даже знать, что служит им пропитанием... Здесь так легко исчезнуть навеки. Особенно, если единственный на много миль

живой человек подозрительный тип. Я посмотрела на Мишеля, он недобро улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.